

358
Е. ПОСЛАВНИНЪ.

РУССКІЕ ПРАЗДНИКИ
ПОСЛАВНИХЪ
ТВОРЪ.

Безплатное Приложеніе
къ Журналу
• Русскій Паломникъ •

ЗЕМНАЯ ЖИЗНЬ == == ИИСУСА ХРИСТА

въ изящной литературѣ и
искусствѣ.

Цѣна 3 руб. 75 коп., съ пере-
сылкой 4 руб. 50 коп.

Роскошное настольное изданіе, отпе-
чатанное на тоновой бумагѣ, иллюстри-
рованное массою художественно испол-
ненныхъ репродукцій съ картинъ *Бру-
ни, Брюллова, Васнецова, Верещагина,
Крамского, Маковского, Мясоедова,
Нестерова, Павлинова, Семирадского,
Леонардо-да-Винчи, Микель-Анжелло,
Рафаэля, Рубенса* и мн. др., а также
картинами въ кра- какъ *Мурильо* и
Петро.

Издательство П. П. Сойкина, Петроградъ, Стремянная, 12.

7-245
358

XVIII-1798.

СТАРЕЦЪ ВЕОДОТЪ

(подвижникъ Глинской пустыни).

СПОВѢДАЮТСЯ Отче, Господи небесе и земли, яко утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ еси та младенцемъ—эти слова изъ устъ Христовыхъ къ Его Божественному Отцу воспоминаются часто, когда читаешь или слышишь о людяхъ безъ всякаго образованія, которые—въ простотѣ своей вѣры—достигали величайшихъ духовныхъ озареній, и которымъ еще въ земномъ тѣлѣ открывались величайшія духовныя тайны, до какихъ не возвысится никогда обьюродившаяся мудрость мірскихъ мудрецовъ.

Вотъ, сейчасъ зстанеть передъ нами такой тихій, кроткій, всепрощающій образъ одного тишайшаго подвижника, котораго гнали люди, но который самое тяжкое гоненіе въ своей жизни принялъ отъ близкаго къ себѣ существа: отъ самого себя.

«Томлю томящаго мя»,—отвѣчалъ старецъ Серафимъ, когда его спрашивали, зачѣмъ онъ даже въ свои старые годы носить на своихъ плечахъ тяжелую котомку съ камнями.

«Томлю томящаго мя»,—имѣлъ право повторить о себѣ и блаженный старецъ Феодотъ. Его подвигъ былъ тѣмъ болѣе великъ, что былъ мало замѣтенъ, не привлекалъ къ себѣ любопытствующаго взора, между тѣмъ подвигъ этотъ на самомъ дѣлѣ былъ чрезвычайенъ.

Уже одно то въ немъ показывало челоуѣка высшей самоотверженности, что онъ во все время пребыванія своего въ мо-
Русскіе праведники.

настырѣ, не имѣль отдѣльной кельи и ютился, гдѣ придется, на грязной кухнѣ.

Въ знаменитыхъ запискахъ «Мертваго дома» великаго русскаго психолога Достоевскаго есть яркое мѣсто, когда чело-вѣкъ, водворяясь на каторгѣ, приходитъ въ ужасъ отъ того, что онъ долгіе годы ни на минуту не останется одинъ, а всѣ эти годы проведетъ на людяхъ.

Такъ, вотъ, эту именно «каторгу» и выбралъ себѣ вольною волею отецъ Θεодотъ—эта «каторга» была для него тѣмъ тяжелѣе, что по самому складу своего характера люди аскетическаго направленія непремѣнно нуждаются въ полномъ, нарушаемомъ уединеніи...

Старецъ Θεодотъ, поступившій въ Глинскую пустынь во время ея глубокаго упадка, имѣль счастье пережить годы ея возобновленія и ея полнаго процвѣтанія подъ главенствомъ достопамятнаго ея возобновителя, замѣчательнаго подвижника и мудраго руководителя иночества, архимандрита Филарета.

Онъ имѣль утѣшеніе видѣть вокругъ себя въ родной пустыни такихъ же смиренныхъ, какъ онъ самъ, и угодныхъ Богу подвижниковъ.

Старецъ Θεодотъ былъ уроженецъ села Черторичъ, Глуховскаго уѣзда, Черниговской губерніи, назывался онъ въ міру Θεодосій Левченко и происходилъ изъ простыхъ казаковъ.

До конца жизни своей онъ былъ неграмотенъ. Выросши въ родномъ селѣ, онъ сталъ помогать своему отцу въ его крестьянскихъ работахъ.

Въ юности Θεодосія было одно событіе, о которомъ онъ вспоминалъ впослѣдствіи, и въ которомъ выразилась сила, уже тогда охранявшая юношу—благодатный покровъ Божій.

Какъ-то отецъ послалъ Θεодота на поле боронить. Пока онъ работалъ, поднялся въ сторонѣ отъ него жестокой ураганъ и понесся прямо на него. Лошадь въ страхѣ помчалась по полямъ, а ураганъ подхватилъ юношу на значительную высоту,—какъ онъ вспоминалъ, выше колокольни,—и сбросилъ на землю. И, тѣмъ не менѣе, Θεодосій не получилъ никакого поврежденія.

— Когда я поднялся и сталъ на ноги,—разсказывалъ старецъ Θεодотъ,—увидѣль я передъ собою страшнаго, чернаго чело-вѣка громаднаго роста. Оскаливъ зубы, онъ весь трясся. Я оградилъ себя крестнымъ знаменіемъ, и онъ исчезъ.

Слушатели спрашивали старца:

— Не испугался ли онъ этого страшилища?

— Если бы я испугался,—отвѣчалъ онъ,—то я бы трясся. Видно, что онъ испугался, если ему пришлось трястись.

Родители воспитали Θεодосіа въ страхѣ Божіемъ. И, въ молодыхъ лѣтахъ почувствовавъ призваніе къ монашеству, онъ вытребовалъ себѣ по простотѣ своей крайне простой документъ, подписанный сотскимъ (впослѣдствіи изъ-за этого документа надъ Θεодосіемъ стряслась большая бѣда). Онъ поступилъ въ Глинскую пустынь.

Братства въ Глинской пустыни было тогда мало и пустынь вообще, находилась въ упадкѣ. Это было приблизительно въ 1789 году. Всего же прожилъ Θεодотъ въ обители не менѣе семидесяти лѣтъ, при одиннадцати настоятеляхъ.

Въ тѣ дни настоятели мѣнялись часто. Они, по большей части, находились при архіерейскихъ домахъ въ качествѣ экономовъ—почему обитель оставалась безъ надлежащаго надзора и руководства. Но духъ подвижничества былъ очень крѣпокъ въ Глинской пустыни. И что тамъ были люди высокой жизни,—свидѣтельствуетъ слѣдующій памятный случай.

Когда въ Глинской пустыни ставили теплую Успенскую церковь, то надо было дѣлать большую выемку земли для дымовой печи. Оказалось, что церковь стоитъ на древнемъ иноческомъ кладбищѣ.

При копаніи открыли нѣсколько гробовъ прежнихъ монаховъ и перенесли ихъ съ подобающимъ обрядомъ на новое кладбище.

Изъ этихъ гробовъ въ трехъ лежали совершенно нетлѣныя тѣла. На двухъ тѣлахъ были схимы, а одно было одѣто въ одежду послушника.

Старецъ Θεодотъ узналъ покойниковъ, и особенно послушника, выразившись о немъ, что онъ жилъ свято.

Въ глубокой старости старецъ Θεодотъ указывалъ на могилы прежнихъ монаховъ, которые подвижничали при немъ въ его молодости и говорилъ, что они несомнѣнно жизнью своею угодили Богу.

Такимъ образомъ, и въ первое время своей жизни въ обители старецъ Θεодотъ встрѣчалъ людей, въ которыхъ могъ находить поддержку своимъ духовнымъ стремленіямъ. Особенно же много пользы душѣ его принесли бесѣды и наставленія ставшаго впослѣдствіи игуменомъ Филарета.

Филаретъ умѣлъ сосредоточить всю любовь, всѣ мысли монаховъ на монастырѣ и на монашеской жизни, такъ что весь міръ для учениковъ Филарета казался какимъ-то истаявшимъ. Увѣщавая братію держать сердце свое въ чистотѣ, быть въ молчаніи, усердно нести послушанія и совершать неустанную молитву,—старецъ говорилъ:

— Потъ, проливаемый монахами на послушаніи, при

усерднымъ трудъ имѣеть въ очахъ Божіихъ такое же спасительное значеніе, какъ кровь, проливаемая мучениками.

Назначенный къ кухонному послушанію, Феодосій сталъ ревностно исполнять все, что тамъ требовалось: рубилъ дрова, носилъ чистую воду, выносилъ помои, мылъ полъ кухни, держалъ въ порядкѣ посуду. Съ усердіемъ добраго работника, онъ исполнялъ все, что ему приказывали.

Всякій истинный монахъ, какое бы дѣло ему ни поручали, относится къ этому дѣлу съ величайшимъ вниманіемъ, какъ будто это дѣло поручено ему Самимъ Богомъ.

Во все время своей монастырской жизни, даже проходя послушаніе старшаго повара, Феодосій не имѣлъ отдѣльной кельи, а жилъ всегда на кухнѣ, гдѣ не было рѣшительно никакого удобства, чтобы жить. Полъ былъ кирпичный, постоянно покрытый сыростью и грязью.

Таковыми же грязными были и подмостки, на которые приходилось постоянно становиться грязными ногами, чтобы ставить котлы на чугунную плиту. Воздухъ былъ испорченъ дымомъ и испареніями отъ кипящихъ котловъ съ борщомъ и щами и жженнаго масла, падавшаго, по небрежности, на раскаленную плиту.

Феодосій отдыхалъ или прямо на кирпичномъ полу или на кучѣ угля, припасеннаго поварами. Когда же всѣ, послѣ окончанія трапезы и мытья посуды, расходились по кельямъ, Феодосій не сразу давалъ себѣ отдыхъ. Сперва онъ совершалъ свое правило, а потомъ принимался чистить картофель для слѣдующаго дня, хотя къ этому дѣлу было приставлено семь или восемь другихъ послушниковъ. И этою жизнью онъ прожилъ семьдесятъ лѣтъ.

Мы уже говорили выше о томъ, какъ ужасно для человѣка-аскета не имѣть своего угла. И, вотъ, отъ этого, столь естественнаго для истиннаго монаха, столь необходимаго условія жизни онъ отказался.

Молитвы его были неустанныя. Нѣкоторые спрашивали себя, какъ онъ, будучи безграмотенъ, можетъ молиться? Нѣсколько молодыхъ послушниковъ, по любопытству своему, захотѣли въ этомъ удостовѣриться.

Въ трапезѣ Глинской пустыни есть прорѣзанное на высотѣ груди окошечко, которое отворяется въ кухню такъ, чтобы непосредственно изъ окошечка подавать блюда изъ кухни въ трапезу. Недалеко отъ того окошечка висѣла большая икона Спасителя. Передъ ней-то Феодосій и молился.

Досужіе и любознательные послушники, подкравшись къ этому окошечку со стороны трапезы, стали прислушиваться къ

молитвамъ Θεодота. Θεодотъ клалъ много поклоновъ, молясь то Богоматери, то Спасителю, взывая:

— Пресвятая Богородица спаси насъ!.. «Исусе Сыне Божій, помилуй мя»!..

Онъ такъ привыкъ къ земнымъ поклонамъ, что очевидцы рассказываютъ, будто никто изъ молодыхъ послушниковъ не могъ класть поклоновъ земныхъ такъ легко и такъ скоро, какъ клалъ ихъ въ своей старости Θεодотъ.

По смиренію своему и безотвѣтственности Θεодоту пришлось натерпѣться на кухнѣ не мало бѣдъ. Прежде всего, досаждали ему повара изъ мірскихъ людей. Они обращались съ нимъ презрительно и часто даже били его.

— Доставалось,—рассказывалъ онъ впослѣдствіи,—тогда мнѣ и въ зубы, и въ спину, по щекамъ и по головѣ, всюду доставалось...

Напримѣръ, заставить Θεодосія поваръ толочь въ ступѣ макъ. Исполнилъ приказаніе Θεодосій, позоветъ повара посмотреть, а тотъ начнетъ придирается. Надастъ бѣдному труженнику толчковъ или, даже, схвативъ пестикъ, начнетъ колотить имъ Θεодосія.

Θеодосій не гнѣвался на всѣ эти притѣсненія и служилъ своимъ мучителямъ, сколько могъ. Чтобы не прославилось его столь чрезвычайное терпѣніе, Θεодотъ прикидывался малымъ, принявъ на себя подвигъ юродства.

Его не видали печальнымъ, гнѣвающимся или съ кѣмъ-нибудь ссорящимся. Какъ довѣрчивый, незлобивый младенецъ, подходилъ онъ ко всѣмъ съ лаской и радостью. Когда же его обижали, то спокойно онъ принималъ ругань, побои, насмѣшки и укоризны.

Θеодоту, какъ всякому истинному подвижнику, пришлось вынести тяжкую борьбу съ врагомъ спасенія. Иногда врагъ нападалъ на него, принимая образъ различныхъ чудовищъ или хищныхъ звѣрей. Иногда старался направить его мысли къ уходу изъ обители.

Впослѣдствіи нѣкоторые изъ иноковъ спрашивали его, видѣлъ-ли онъ на яву бѣсовъ. Онъ отвѣчалъ утвердительно и сказалъ, что они мерзки на видъ. Онъ хорошо зналъ всю изворотливость, озлобленность, ухищренія, настойчивость врага спасенія и говорилъ впослѣдствіи братьямъ:

— Охъ! Если-бъ вы увидѣли, съ какимъ усиліемъ врагъ увивается около искушаемаго человѣка и старается быть какъ можно ближе къ нему, то вы изумились бы! Когда человѣкъ идетъ, ступая по землѣ ногами, и еще не успѣваетъ принять ногу съ мѣста, на которомъ она стояла, а преслѣдующій его

дiаволь уже старается на его слѣдъ поставить гнусную лапу; не сводя глазъ съ преслѣдуемаго имъ человѣка. Какъ хитрыя птицы, какъ лукавыя лисицы, окружають насъ богомерзкіе демоны и жадно похищаютъ въ душѣ нашей всякое доброе расположение и ослѣпляютъ наши духовныя очи.

Обыкновенно, на кухонномъ послушаніи въ обители остаются недолго и переходятъ на другія, болѣе легкія. Старецъ Ѳеодотъ провелъ на этомъ послушаніи всю свою жизнь и мимо него прошло поэтому, за его многолѣтнюю жизнь, много сотрудниковъ. Такимъ образомъ, многіе могли быть свидѣтелями тѣхъ благодатныхъ даровъ, которые снискалъ ему его подвигъ, его смиреніе.

Монахъ Іоанникій, оклеветанный передъ игуменомъ Филаретомъ, былъ изгнанъ изъ обители, и когда просился опять въ пустынь, то былъ принятъ обратно лишь съ тѣмъ условіемъ, что начнетъ съ кухоннаго послушанія.

Чувствуя его полную невинность, Ѳеодотъ постоянно утѣшалъ Іоанникія и, между прочимъ, сказалъ ему:

— Вотъ, видишь, Іоанникій; теперь поноси воду ушатами, а будетъ время, когда будешь золотую шапку носить.

Тогда эти слова были совершенно непонятны, и подтвердились со временемъ, такъ какъ Іоанникій сталъ впоследствии архимандритомъ.

Іоанникій, въ схимѣ Іліодоръ, принадлежалъ тоже къ числу великихъ подвижниковъ Глинской пустыни. Замѣчательно одно высокое духовное видѣніе, котораго были удостоены одновременно Іоанникій и Ѳеодотъ. Замѣчательно и то, что это видѣніе Ѳеодотъ видѣлъ въ то самое время, когда одинъ изъ монастырскихъ поваровъ гнался за нимъ по монастырю, замахиваясь на него вдвое сложенной веревкой.

Вотъ, какъ повѣствуетъ отецъ Іліодоръ объ этомъ дивномъ видѣніи:

— Представилось мнѣ, будто я вышелъ изъ кельи и направился въ восточную сторону монастыря. Дойдя до мѣста, гдѣ въ настоящее время цвѣтникъ, я вдругъ очутился въ какомъ-то прекрасномъ саду, разсматривая поистинѣ чудную ея красоту. Природа всего, что я тамъ встрѣчалъ, была мнѣ совсѣмъ незнакома и на земную природу не похожа. Тамъ стояли въ дивномъ порядкѣ какія-то деревья, украшенные различными, какъ бы златоблестящими, листьями и цвѣтами и изобиловали различными прекрасными плодами. На нихъ гнѣздились безчисленное множество разнородныхъ пернатыхъ, которыхъ красота, пріятное пѣніе и порханіе привлекали взоръ и услаждали душу. Внизу разстилалась зелень, испещренная различными цвѣтами удивительной красоты. Вѣяніе тонкаго вѣтра,

тихо колеблющаго различныя растенія, разносило неземное благоуханіе; словомъ—все тамъ было не отъ міра сего. Удивляясь невиданнымъ красотамъ, я ходилъ и наслаждался созерцаемъ. Не рай ли это Божій,—думалъ я,—о которомъ повѣствуетъ намъ слово Божіе?

Но, вотъ, мой взоръ обратился въ восточную сторону, и я вдругъ вижу старца Θεодота, идущаго навстрѣчу въ своемъ всегдашнемъ одѣяніи, въ замасленномъ короткомъ подрясникѣ. Подойдя ко мнѣ, онъ съ улыбкою обратился ко мнѣ: «А, ты здѣсь?» Я спросилъ его о томъ, чей это садъ. «Мой»,—отвѣтилъ онъ. Какъ бы не довѣряя ему, я сказалъ: «Если садъ твой, то не можешь ли ты дать мнѣ какихъ-либо плодовъ?» Подойдя къ ближайшему дереву, онъ снялъ съ него три яблока и подаль мнѣ.

— «Гдѣ же это ты былъ?»—спрашиваю я его. Указывая на юго-восточную сторону сада, онъ сказалъ: «Былъ, вотъ, тамъ, видѣлъ покойнаго своего отца; мѣсто, гдѣ онъ находился, очень хорошее. Я видѣлъ его стоящимъ въ бѣлой одеждѣ. Замѣтивъ меня, онъ поклонился мнѣ въ поясъ. Оттуда я пошелъ далѣе—при этомъ Θεодотъ указалъ по направленію къ юго-западу,—и видѣлъ тамъ мою мать. Охъ, мѣсто, гдѣ она находится, до того ужасное, что и высказать невозможно. Увидѣвъ меня, она начала съ плачемъ кричать мнѣ: «помоги мнѣ, помоги». Такъ вотъ я,—продолжалъ онъ, хочу идти къ настоятелю просить его благословенія, чтобы мнѣ затвориться на годъ и помолиться о матери. Я, вотъ, и тебя пригласилъ сюда для того, чтобы вмѣстѣ помолиться». Говоря это, онъ былъ очень печалень. Я слушалъ его рассказъ съ участіемъ, вполне понимая и раздѣляя его скорбь. Въ такомъ душевномъ настроеніи я почему-то положилъ данныя мнѣ три яблока подъ дерево и на этомъ проснулся.*

Удивленный столь необычнымъ сновидѣніемъ, я бросился изъ кельи и сталъ искать старца... Я скоро нашелъ его на экономическомъ дворѣ, гдѣ эконокъ билъ его веревкою, какъ выше сказано. И мы оба пошли пить чай.

Успокоившись нѣсколько, я обратился къ нему съ вопросомъ: «Умоляю тебя Богомъ, не скрой отъ меня, гдѣ ты былъ въ это время»... Взглянувши на меня, онъ сказалъ: «Что же ты спрашиваешь? Самъ ты видѣлъ меня въ саду, гдѣ я давалъ тебѣ яблоки». Удивляясь его прозорливости, я хотѣлъ было разспросить его подробнѣе, но онъ не отвѣчалъ мнѣ и, напившись чаю, молча вышелъ изъ кельи.

Настоятель Филаретъ почиталъ Θεодота и говаривалъ братцѣмъ, что благосостояніе, которымъ стала пользоваться запу-

ценная нѣкогда обитель, посылается Богомъ за молитвы старца Феодота.

Въ сказаніяхъ о древнихъ великихъ инокахъ разсказывается, что одни изъ подвижниковъ во время молитвы были объаты пламенемъ. У иныхъ изъ устъ была видна огненная вервь, подымавшаяся къ небу, или свѣтлый лучъ изъ устъ упирался въ небеса.

Видѣли явленія того же порядка и относительно старца Феодота. А старецъ Макарій, самъ подвижникъ, во время утренняго богослуженія увидалъ надъ братскою кухнею столпъ свѣта. Взойдя въ кухонный коридоръ, онъ взглянулъ внутрь кухни, черезъ щель двери, и увидѣлъ старца Феодота, который стоялъ на колѣняхъ передъ иконою и молился, воздѣвъ руки кверху. Изъ устъ его выходилъ пучокъ пламеннаго свѣта, который освѣщалъ всю икону.

Другіе видали Феодота на молитвѣ приподнятымъ отъ земли или освѣщеннымъ небеснымъ свѣтомъ. У стѣны, за кухонной печью, висѣлъ деревянный крестъ Феодота. Этотъ крестъ сіялъ, когда Феодотъ малывался передъ нимъ.

Сильную скорбь пережилъ Феодотъ, когда ему пришлось на время покинуть обитель. Дѣло въ томъ, что въ 1845 году была по Россіи большая ревизія—всенародная перепись, и повсюду провѣрялись паспорта. Между тѣмъ, свыше пятидесяти лѣтъ Феодотъ проживалъ въ обители по крайне странному и недостаточному документу. Этотъ документъ былъ истертый клочекъ бумаги со слѣдующими словами:

«Села Черторичъ казакъ Феодосій Левченко увольняется во всѣ мѣста, куда захочетъ идти и гдѣ захочетъ жить, за нимъ дѣловъ никакихъ не имѣется. Сотскій Семень Кравченко».

Не являясь больше на родину, Феодосій былъ вычеркнутъ изъ числа ея жителей, какъ умершій.

Настоятель, опасаясь себѣ непріятностей, потребовалъ ухода Феодота изъ обители и посовѣтовалъ ему идти въ Петропавловскій монастырь, гдѣ въ то время настоятельствомъ архимандритъ Іоанникій, когда-то несшій послушаніе на кухнѣ Глинской пустыни. Архимандритъ Іоанникій принялъ въ старца участвіе, и онъ былъ снова приписанъ въ свое общество, а затѣмъ ему было выдано увольнительное свидѣтельство.

Когда всѣ документы были, такимъ образомъ, приведены въ порядокъ, — Феодотъ могъ опять вернуться въ дорогую Глинскую пустынь.

И снова сталъ сіять — на поученіе братіи — его подвигъ. Братія любила звать Феодота пить къ себѣ чай, и онъ неизмѣнно являлся со своей рукавицей. Рукавица эта была сдѣлана для топки печей, чтобы не чувствовать жаръ въ рукѣ, вклады-

вая дрова въ раскаленную печь, или мѣшая кипящіе котлы съ варящейся пищей.

Эту рукавицу, замазанную сажей и землей и пропитанную кислотами щей и борща, онъ и употреблялъ при чаеѣтїи. Придя къ брату, Θεодотъ, положивъ три поклона, избѣгалъ садиться на стулъ, а, снявъ засаленный подрясникъ и разстеливъ его на землѣ, садился на немъ и пилъ чай изъ полоскательной чашки, поставленной передъ нимъ на стулѣ. Наклоняя къ себѣ чашку рукою въ рукавицѣ, чтобы не обварить руки горячею полоскательницею, онъ начиналъ хлебать изъ нея чай.

Можно думать, что въ этомъ старецъ подражалъ тому великому учителю смиренїя, Арсенїю—знатнѣйшему и ближайшему къ императору вельможѣ Царьграда, которому при началѣ его монашества мудрый старецъ Іоаннъ Коловъ кинулъ однажды съ трапезы сухарь, который Арсенїй сталъ ѣсть, стоя руками и ногами на землѣ, какъ четвероногое животное.

Старецъ иногда являлся къ братїи незванный, въ ночное время, чтобы предупредить ихъ о грозящей имъ духовной опасности, помочь бороться съ помыслами или отклонить ихъ отъ какихъ-нибудь ошибочныхъ намѣренїй.

Такъ, когда одинъ послушникъ задумалъ уйти изъ Глинской пустыни и потихоньку собрался, чтобы утромъ отправиться въ путь, неожиданно ночью пришелъ къ нему Θεодотъ и уговорилъ его остаться.

Не разъ старецъ Θεодотъ дѣлалъ предсказанїя, совершенно несогласныя съ естественнымъ ходомъ вещей, и предсказанїя его оправдывались.

Такъ, послушникъ Іаковъ Нестеренко считалъ себя застрахованнымъ отъ военной службы, такъ какъ отецъ его былъ богатъ и собирался купить для него рекрутскую квитанцію.

Между тѣмъ, старецъ Θεодотъ объявилъ Іакову, что ему надо готовиться носить красную шапку.

Когда юноша былъ вызванъ на призывъ изъ Глинской пустыни тянуть жребїй, по дорогѣ онъ получилъ извѣстїе отъ отца, что отецъ разоренъ въ пухъ и прахъ пожаромъ и не можетъ купить для него рекрутской квитанціи и поставить наемщика. Такъ ему и пришлось служить въ солдатахъ.

Другой послушникъ тоже считалъ себя не подлежащимъ рекрутской повинности, а Θεодотъ, встрѣтившись съ нимъ въ кухнѣ, сказалъ ему, что его скоро возьмутъ въ солдаты, что и случилось.

Одно время думали снять со старца Θεодота портретъ, и для этого, когда онъ возвращался со службы, зазвали его въ больницу. Старецъ зашелъ. Но онъ, который обыкновенно сидѣлъ на мѣстѣ спокойно, все время тутъ вертѣлся; то снималъ

камилавку съ головы, то опять надѣвалъ ее, переходилъ съ мѣста на мѣсто и, спрятанный въ комнатѣ живописецъ, который долженъ былъ наскоро набросать черты его лица, не могъ ничего сдѣлать.

Старецъ Иліодоръ рассказывалъ, что бывали случаи, когда ангелъ Божій возбуждалъ Θεодота на молитву.

Достигши преклонныхъ лѣтъ, Θεодотъ все еще несъ свое послушаніе на кухнѣ. Но ослабленіе силъ побудило его просить настоятеля, чтобы ему не править должности главнаго повара. Очевидно, онъ желалъ теперь жить въ полной сосредоточенности.

Главные поварскія обязанности были переданы его помощнику, а старецъ Θεодотъ сохранилъ за собою пріятную для него обязанность брать огонь отъ неугасимой лампы передъ чудотворной иконой Божіей Матери, чтобы этимъ огнемъ разводить ночью дрова въ печи на братской кухнѣ.

Весною 1859 года, вслѣдствіе крайняго изнеможенія своего, старецъ Θεодотъ перепросился на монастырскую пасѣку. Въ тѣсной кельѣ на соломѣ оканчивалъ онъ свою трудовую и скорбную жизнь. Почитавшіе его иноки часто ходили къ нему.

Когда, седьмого іюля, одинъ изъ числа братіи, вслухъ при немъ говорившій о близости его конца, спросилъ его, когда онъ умретъ,—старецъ, посчитавъ по пальцамъ, отвѣтилъ, что въ слѣдующій четвергъ. Это было за десять дней до его дѣйствительной кончины. Указанный имъ четвергъ приходился на шестнадцатое іюля.

Старецъ былъ особорованъ, нѣсколько разъ приобщенъ и постриженъ въ схиму, смѣнивъ монашеское имя Θεодота, нареченное ему при постриженіи его, когда онъ вернулся въ пустынь съ родины съ новыми документами—на первое мірское его имя, Θεодосій.

Тихо и спокойно лежалъ старецъ шестнадцатаго іюля въ назначенный имъ четвергъ на полу, смотря на икону Спасителя. Съ нимъ было нѣсколько челоуѣкъ братіи. Въ четыре часа утра онъ съ трудомъ поднялъ руку, перекрестился и съ радостнымъ лицомъ, уснувъ, какъ невинный младенецъ, предалъ свой чистый и правый духъ Господу своему.

Въ это время монахъ доброй жизни, пономарь Досіеѣй, запиралъ послѣ утрени церковь. Вдругъ послышалось чудное пѣніе. Онъ сталъ прислушиваться. Пѣніе разливалось въ воздухъ надъ пасѣкой и, медленно подымаясь поверхъ лѣса къ небу, постепенно затихало и, наконецъ, совсѣмъ истаяло.

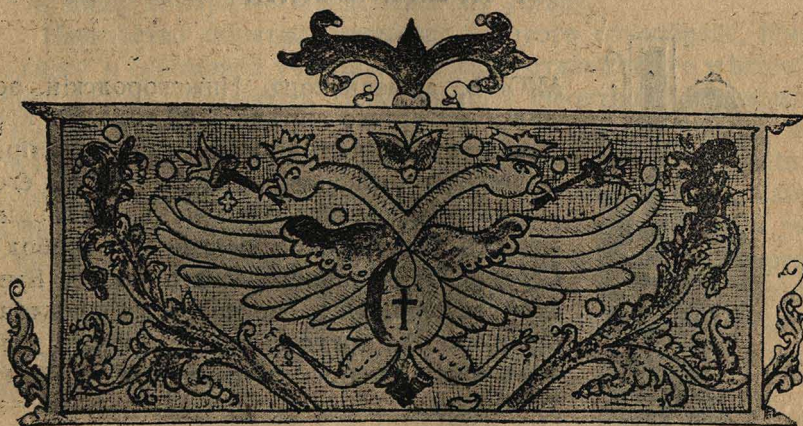
Медленно шель восхищенный Досіеѣй въ свою келью, еще продолжая прислушиваться въ умѣ своемъ къ замолкшимъ

звукамъ. Ему встрѣтилось нѣсколько человѣкъ братіи, и онъ разсказалъ имъ о слышанномъ имъ пѣніи. Его стали спрашивать, откуда онъ слышалъ его.

— Съ пасѣки. Вѣрно, что игумень самъ отходную пѣль по старцу Θεодотѣ, а пѣніе то поверхъ лѣса разлилось...

Но это было не такъ. Отходная была отпѣта въ восемь часовъ, а Θεодотъ скончался въ четыре.

Досиою слышалось небесное пѣніе

ІАКОВЪ, АРХІЕПИСКОПЪ НИЖЕГОРОДСКІЙ И АРЗАМАССКІЙ.

АКОВЪ, архіепископъ Нижегородскій, родился четвертаго апрѣля 1792 года. Въ крещеніи онъ нареченъ Іосифомъ, въ честь преподобнаго Іосифа-пѣснописца. Отецъ его, Иванъ Аванасьевичъ Вечерковъ, былъ діакономъ Владимірской церкви въ слободѣ Серебрянкѣ, Новооскольскаго уѣзда, Курской епархіи. Онъ скончался въ преклонныхъ лѣтахъ, когда сынъ его, Іосифъ, кончилъ курсъ ученія въ семинаріи и былъ учителемъ.

Діаконъ Іосифъ былъ человекъ жизни воздержной и трезвой. Хмѣльных напитков онъ никогда не бралъ и въ ротъ и пищу принималъ въ мѣру, по-иночески. Въмѣстѣ съ суровой жизнью, онъ отличался чрезвычайной дѣятельностью: никогда безъ крайней нужды—онъ не опускалъ ни службъ, ни церковныхъ требъ; письменную церковную отчетность онъ велъ съ чрезвычайною тщательностью и за себя, и за другихъ.

Эти добрыя качества: трудолюбіе, добросовѣстность и исполнительность въ трудѣ—перешли и къ сыну діакона, Іосифу. Іосифъ былъ старшій. Послѣ него слѣдовали два брата, изъ которыхъ одинъ, Василій, былъ священникомъ въ городѣ Новомъ Осколѣ и умеръ въ 1845 году, а другой—Теодоръ—жилъ при старшѣмъ своемъ братѣ и умеръ въ Екатеринославѣ, при окончаніи семинарскаго курса.

Мальчикъ Іосифъ получалъ первоначальное домашнее воспитаніе въ духѣ христіанскаго благочестія, подъ присмотромъ отца и матери своей, Матроны Петровны. Онъ всегда съ сочув-

ствием вспоминалъ о своемъ дѣтствѣ и благодарилъ Бога за то, что родился отъ такихъ добрыхъ и благочестивыхъ родителей, «примѣромъ своей богобоязненной жизни много сдѣлавшихъ ему пользы».

Способности его къ ученію обнаружались рано. На двѣнадцатомъ году онъ былъ записанъ обучаться въ бѣлгородскую семинарію. Десять лѣтъ учился онъ тутъ и все время былъ въ числѣ лучшихъ учениковъ. Отличаясь любовью къ занятіямъ, онъ всегда избѣгалъ общества праздныхъ товарищей, даже когда ѣздилъ на вакаціонное время къ отцу, домой. Тогда уже онъ отличался также склонностью къ постничеству и принималъ пищу сообразно монастырскому уставу.

Начальство обратило вниманіе на этого способнаго, прилежнаго и скромнаго ученика. Особенно отличалъ его мѣстный архіепископъ Теокистъ (архіепископъ Теокистъ управлялъ Курской епархіей съ 1787 до 1814 года). По окончаніи, въ 1814 году, семинарскихъ наукъ, Юсифъ Вечерковъ опредѣленъ былъ преосвященнымъ Теокистомъ учителемъ сперва математики и нѣмецкаго языка, а затѣмъ—въ классъ поэзіи и риторики. Необходимость замѣстить преподавателя этихъ предметовъ послужила причиною тому, что онъ, при своихъ рѣдкихъ способностяхъ и блестящемъ окончаніи курса, не былъ посланъ въ духовную академію и оставленъ на нѣсколько времени учителемъ.

Но жажда познаній была въ немъ такъ велика, что, похоронивъ своихъ родителей, онъ, въ двадцатичетырехъ-лѣтнемъ возрастѣ, на свой собственный счетъ, отправился въ Петербургъ и поступилъ въ духовную академію. Время въ академіи было, кромѣ усиленныхъ занятій, посвящено имъ также и приготовленію къ монашеству.

Тутъ началась въ немъ внутренняя духовная жизнь. Онъ самъ вспоминалъ въ послѣдствіи:

«Въ 1816 году я поѣхалъ въ Петербургъ съ познаніями школьными, естественными, но безъ познаній духовныхъ-облагодатствованныхъ. Знакомство съ однимъ изъ слушавшихъ науки въ петербургской духовной академіи, по имени Яковомъ Дмитріевичемъ Поповымъ, въ послѣдствіи архіепископомъ Иринархомъ, познакомило меня съ вещами духовными. Его строгая жизнь, занятія постоянныя, но безъ напряженія, молчаніе, сопровождаемое признаками глубокомыслія, цѣломудріе во взорахъ, скромность въ словахъ, смиреніе въ походкѣ, благочестіе безъ лицемерія, назидательность въ разговорахъ—возбудили во мнѣ душевное расположеніе къ сему челоуѣку... Достоинство его бесѣды увеличивалось въ очахъ моихъ, когда я

сталъ внимательнѣе читать Священное Писаніе и сочиненія духовныя. Скоро я удостовѣрился, что знакомецъ мой все, что ни говорилъ, говорилъ съ основаніемъ... Сладко было читать мнѣ Священное Писаніе, сладко было молиться, сладко было предаваться богомыслию. Святѣйшее имя Иисуса Христа свободно было произносимо внутри сердца, возбуждало слезы умиленія и сожалѣнія о грѣхахъ. Не хотѣлось и тягостно было читать книги не духовнаго содержанія; разговоры свѣтскіе были не по сердцу, а духовные восхищали душу и даже просвѣтляли лицо. Воздержаніе много сему помогало. Я чувствовалъ всю цѣну трезвости... Но симъ я не восхищался, зная, что одни чувствованія и мысли благочестивыя не составляютъ еще христіанства. Дѣлъ же у себя никакихъ добрыхъ не находилъ; объ искушеніяхъ или испытаніяхъ на пути духовной жизни и понятія не имѣлъ.—Мнѣ тогда былъ двадцать восьмой годъ. До тридцать второго года мнѣ было хорошо; только по разлукѣ съ означеннымъ знакомцемъ я чувствовалъ нужду въ собесѣдникѣ единомушномъ. Я встрѣчалъ людей, любящихъ духовное, но не могъ сладить съ ними духъ мой. Знающіе духовное, не примѣчая во мнѣ твердыхъ основаній дѣла Божія, были для меня скрытны и тяготили меня симъ; незнающіе обнаруживали часто излишнее удовольствіе слушать меня и тѣмъ возбуждали во мнѣ самолюбіе и гордость. Непримѣтно я получилъ вкусъ говорить болѣе всѣхъ, и мнѣ было скучно, когда не я училъ, а замѣчалъ, что меня учать... Впрочемъ, мнѣ всегда желательно было имѣть собесѣдника о духовныхъ вещахъ. Много помогали книги, каковы сочиненія Дмитрія Ростовскаго, Іоанна Златоустаго, Фенелона ¹⁾ и другія. Но всегда общалъ себя болѣе успѣховъ и въ житіи и въ вѣдѣніи духовномъ отъ собесѣдованія. И, дѣйствительно, когда встрѣчались случаи поговорить съ кѣмъ-либо, тогда было мнѣ весело, и путь духовный казался сладостнымъ, легкимъ».

Этотъ отрывокъ замѣчателенъ тѣмъ, что съ большою ясностью рисуетъ начало духовной жизни молодой души, созданной для переживанія религіозныхъ восторговъ. Несмотря на внутреннее свое расположеніе къ иноческой жизни, Іосифъ не рѣшался еще принять иноческой санъ и испытывалъ себя.

Только когда онъ кончилъ полный курсъ академическаго ученія и сталъ кандидатомъ съ правомъ полученія чрезъ два года степени магистра, только тогда онъ подалъ прошеніе о постриженіи въ монашество, которое и было совершено въ Александро-Невской лаврѣ, двадцать второго августа 1819 года. Ему шелъ тогда двадцать восьмой годъ. На другой день онъ

¹⁾ Знаменитый французскій проповѣдникъ и богословъ.

былъ рукоположенъ въ іеродіаконъ, а на третій—въ іеромонахи. Имя въ постригѣ оный получилъ Іакова, въ честь апостола Іакова брата Господня.

Вслѣдъ за тѣмъ, оный былъ назначенъ въ Орловскую семинарію, находившуюся тогда въ городкѣ Сѣвскѣ, инспекторомъ и учителемъ церковной исторіи и еврейскаго языка.

Предшественникомъ его по этой должности былъ его духовный собесѣдникъ, бывшій студентъ Поповъ, теперь отецъ Иринархъ. Черезъ три года отецъ Іаковъ переведенъ изъ Сѣвска въ Екатеринославъ, на должность ректора семинаріи.

Пятилѣтнее пребываніе отца Іакова въ городѣ Сѣвскѣ не осталось для него безплоднымъ. Здѣсь явнымъ образомъ начала развиваться въ немъ благочестивая духовная настроенность. Оный часто велъ бесѣды о духовныхъ вопросахъ и о сокровенной внутренней жизни съ наставниками семинаріи.

Главнымъ удовольствіемъ его были тихія прогулки, наслажденія красотами природы, ночью тишиною и звѣзднымъ яснымъ небомъ.

Его внутреннему настроенію соотвѣтствовало, какъ нельзя больше, самое пустынное мѣстоположеніе сѣвской семинаріи, окруженной рощами. Какъ это обыкновенно бываетъ съ людьми, расположенными къ подвижничеству, отъ красоты земной, пораженный ею духъ отца Іакова возносился къ красотѣ небесной. Въ красотѣ и мудромъ настроеніи природы оный чувствовалъ руку Создателя и прославлялъ Его. Часто оный уединялся въ какую-нибудь изъ окрестныхъ обителей, а одно лѣто посѣтилъ Кіево-Печерскую лавру.

Въ Екатеринославѣ, кромѣ обязанностей по семинаріи, оный былъ настоятелемъ Григорьевскаго Бизюкова монастыря, находящагося при Днѣпрѣ, въ пятнадцати верстахъ отъ заштатнаго города Бериславля.

Время въ Екатеринославѣ не было счастливымъ для него. За эти девять лѣтъ оный видѣлъ много неприятностей: въ семинаріи были большія неустройства и скудость въ содержаніи. Несмотря на сочувствіе мѣстнаго архіепископа Гавріила, оный не могъ привести въ исполненіе всѣхъ своихъ предположеній объ улучшеніи семинаріи. И опять главнымъ утѣшеніемъ его служили красоты природы. Всегда занятый чѣмъ-нибудь серьезнымъ, оный не оставлялъ вниманіемъ ни одного встрѣчавшагося ему памятника, сколько-нибудь важнаго въ исторіи или археологич., ни одного замѣчательнаго событія. Когда имъ овладѣвала душевная тоска, оный читалъ бесѣды святыхъ отцовъ, особенно бесѣды Макарія Египетскаго. Вотъ—примѣръ того, какъ

этотъ великій аскетъ дѣйствовалъ на тоскующаго инока. Подъ декабрь 1825 года онъ пишетъ въ своемъ дневникѣ:

«Развлеченіе мыслей усилилось, уныніе начало появляться въ душѣ, несмотря на то, что читаемы были сочиненія Макарія Египетскаго. Надобно было оставить чтеніе и заняться легкимъ размышленіемъ, веселящимъ душу. По появленіи различныхъ мыслей неутѣшительныхъ, вдругъ представилась въ мысляхъ птичка, безмолвно сидящая на вѣтви въ тѣни, но съ веселіемъ взирающая на тихій весенній свѣтъ, освѣщающій вокругъ находящіеся предметы. Птичка не въ свѣтѣ, но радуется о другихъ, находящихся въ свѣтѣ. Сладко и изъ подъ собственной душевной тѣни взирать на тихій свѣтъ благодати, сіяющій въ сердцахъ другихъ избранныхъ Божіихъ. Чтеніе Макаріевыхъ сочиненій не предотвратило унынія и ослабленія; но мысленный взоръ на свѣтъ благодати, постоянно сіявшій въ сердцахъ Макарія, развеселилъ мою душу и укрѣпилъ мысль. Господи, слава Тебѣ».

Пребываніе отца Іакова въ Екатеринославѣ завершилось вызовомъ на 1832 годъ въ Петербургъ, на череду священнослуженія и проповѣди слова Божія. Въ то время этотъ вызовъ считался непосредственною ступенью къ архіерейству.

Дѣйствительно, въ этомъ году первый изъ архіереевъ недавно учрежденной Саратовской каѳедры былъ переведенъ въ экзархи Грузіи, и на его мѣсто назначенъ архимандритъ Іаковъ. Рукоположенъ онъ былъ двадцать седьмого марта, въ Казанскомъ соборѣ. Саратовской епархіей преосвященный Іаковъ управлялъ пятнадцать лѣтъ, причемъ—главное его вниманіе было обращено на искорененіе раскола.

Преосвященный, при обзорѣни епархіи, особенно прилежно посѣщалъ тѣ мѣста, гдѣ гнѣздились раскольники. Ознакомившись съ ихъ духомъ, онъ къ однимъ ѣздилъ самъ и входилъ съ ними въ собесѣдованіе, а къ другимъ посылалъ опытныхъ миссіонеровъ.

Нѣкоторыхъ ему удалось склонить къ единовѣрью, и онъ исходатайствовалъ разрѣшеніе строить въ своей епархіи единовѣрческіе храмы. Для того, чтобы поражать раскольниковъ ихъ собственнымъ оружіемъ, онъ выписывалъ и собиралъ и въ другихъ епархіяхъ древнія старопечатныя книги, различныя записи и снимки съ древнихъ вещей. Онъ, увѣщавая раскольниковъ и наединѣ и въ собраніяхъ, писалъ и письменныя увѣщанія и бралъ въ ближайшую свою заботу тѣхъ, кто обращался въ православіе.

Въ дѣятельности своей онъ имѣлъ поддержку въ лицѣ великаго московскаго подвижника, митрополита Филарета, кото-

рый никогда не оставлялъ его безъ совѣта и наставленія. Московскій Филаретъ то утѣшалъ епископа въ его неприятностяхъ, то раздѣлялъ съ нимъ чувства духовной радости.

Въ обращеніи своемъ съ раскольниками епископъ Іаковъ былъ ласковъ и любвеобиленъ, всегда старался найти въ мысляхъ ихъ что-нибудь доброе, согласное съ ученіемъ Церкви. Между прочимъ—онъ зналъ, какъ много цѣнять старообрядцы наружное, строгое поведеніе и, идя въ этомъ отношеніи имъ навстрѣчу, вель себя такъ, что они были имъ удивлены и видѣли въ немъ истиннаго представителя Церкви Христовой.

Епископъ Іаковъ много заботился о семинаріи, постоянно посѣщалъ ее, часто бесѣдовалъ съ учениками. Въ семинарскую библіотеку онъ передавалъ за своею подписью каждую почти изъ книгъ, которыя онъ выписывалъ и которыя ему присылали. А уѣзжая изъ Саратова, оставилъ въ семинаріи всю свою богатую библіотеку.

При преосвященномъ Іаковѣ, подъ его непосредственнымъ присмотромъ, былъ возведенъ въ Саратовѣ новый величественный архіерейскій домъ съ крестовою церковію, а подъ кафедральнымъ соборомъ устроенъ трехпрестольный храмъ въ напоминаніе римскихъ катакомбъ, въ которыхъ утвердилась первенствующая Церковь Христова.

При его участіи обновлено много раньше выстроенныхъ храмовъ. Онъ любилъ располагать лицъ своей паствы къ жертвѣ на храмы. Изъ храмовъ, при немъ воздвигнутыхъ, особеннымъ великолѣпіемъ отличается Покровская церковь въ городѣ Вольскѣ, построенная гражданиномъ Сапожниковымъ.

Глубокое взаимное сочувствіе связывало преосвященнаго Іакова съ его пастою. Его любили въ Саратовѣ всѣ, отъ мала до велика, и къ нему приходили за духовными совѣтами, наслаждаясь его искренней и любвеобильной бесѣдой. Даже раскольники были расположены къ нему, и готовы были слушать его наставленія, посѣщали его и въ Саратовѣ и — впослѣдствіи—въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Пятнадцатаго января 1847 года послѣдовалъ приказъ о перемѣщеніи преосвященнаго Іакова въ Нижній-Новгородъ. Въ день послѣдняго служенія преосвященнаго въ соборъ набралось столько народу, что городское духовенство съ трудомъ могло выйти на середину церкви для совершенія молебствія.

Добрая, ясная душа епископа Іакова вылилась въ его прощальной трогательной рѣчи къ паствѣ:

«Съ сожалѣніемъ разлучаюсь съ вами, возлюбленные. Но разлучаюсь тѣломъ, а не духомъ. Пастыри, буду съ любовью вспоминать о вашемъ ревностномъ служеніи алтарю Господню,

о вашемъ достойномъ вниманіи, братскомъ согласіи между собою, о вашей степенной жизни, дѣлающей честь православному духовенству, и о вашей любви ко мнѣ, доказанной на дѣлѣ.

«Пасомые, буду помнить и ставить другимъ въ примѣръ ваше твердое благочестіе, ваше усердіе къ посѣщенію храмовъ Божіихъ, вашу благоговѣйную молитву при церковномъ богослуженіи, ваше вниманіе къ проповѣдыванію слова Божія и ваше христіанское радушіе и уваженіе ко мнѣ недостойному. Не забуду всѣхъ васъ до гроба и за гробомъ. Буду молиться всемогущему Богу, да процвѣтаетъ между вами православіе, да возрастаютъ на нивахъ сердець вашихъ богатые плоды добродѣтели, да будутъ дни жизни вашей и долги и радостны, да вѣнцы блаженства и вѣчныя славы покроютъ главы ваши по ту сторону гроба».

Во время этого прощальнаго слова всѣ плакали. Послѣ благодарной рѣчи кафедральнаго протоіерея архіерейскій хоръ умилительно запѣлъ пѣснь старца Симеона: «Нынѣ отпускаеши раба Твоего», и повторялъ ее до тѣхъ поръ, пока послѣдній изъ богомольцевъ не получилъ благословенія архипастыря.

По совершеніи имъ первой литургіи въ Нижнемъ-Новгородѣ онъ отслужилъ литію объ упокоеніи погребеннаго въ соборѣ думнаго дворянина Козьмы Минина и сына его Нефедія, чѣмъ онъ утѣшилъ нижегородцевъ, которые глубоко почитаютъ память своего великаго гражданина.

Добрая молва предшествовала прибытію преосвященнаго Іакова въ Нижній-Новгородъ. Всякій надѣялся встрѣтить въ немъ любимыя черты. Одни ожидали въ немъ любителя археологіи, другіе — поборника православія, третьи — ревнителя о благолѣпії храмовъ Божіихъ, а еще нѣкоторые—ревностнаго покровителя наукъ.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ внутренняя болѣзнь, которой страдалъ еще въ Саратовѣ преосвященный, усилилась, и онъ не могъ показать здѣсь своей прежней неутомимой дѣятельности. Онъ какъ-то писалъ о себѣ:

«Я сдѣлался старикомъ, покрылся сѣдинами, опираясь на посохъ, смотрю въ землю, przygotowляюсь къ вѣчности, выбираю мѣсто для могилы, посѣщаю кладбища и, при содѣйствіи Божіей благодати, ознакамливаюсь съ сладкою надеждою—найти по ту сторону гроба болѣе жизни, болѣе свѣта, болѣе спокойствія, болѣе радости, нежели нахожу и находилъ по сю сторону могилы».

Въ Нижнемъ онъ составилъ скромное духовное завѣщаніе, которое подписано было двадцатымъ мая 1847 года,—день въ день за три года до его смерти. Къ сожалѣнію, это завѣщаніе

не было оформлено и осталось безъ исполненія. Но и въ Нижнемъ преосвященный потрудился, сколько могъ. Онъ осматрѣлъ всѣ нижегородскія церкви съ ихъ древними памятниками. Если гдѣ находилъ рукописи или древнія книги, бралъ къ себѣ въ домъ для прочтенія и рассмотрѣнія. Въ древнемъ Печерскомъ монастырѣ онъ открылъ до тысячи столбцовъ, то есть древнихъ письменныхъ свитковъ, роздалъ ихъ для переписки, а подлинники затѣмъ отослалъ въ Петербургъ, въ археографическую комиссію.

Со всѣхъ сторонъ, по его распоряженію, ему были присылаемы нижегородскія древности. Онъ вызывалъ людей, способныхъ справиться съ задачей составленія описанія достопримѣчательностей Нижегородскаго края. Раньше онъ выслалъ Географическому обществу много свѣдѣній о Саратовской епархіи; теперь продолжалъ посылать ихъ изъ Нижегородской. Часто преосвященный изъ отрывочныхъ свѣдѣній самъ составлялъ болѣе подробныя свѣдѣнія и описанія для этого общества. Въ знакъ благодарности къ его дѣятельности, онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Географическаго общества. Имъ была составлена программа и разслана всѣмъ протоіереямъ уѣздныхъ городовъ Нижегородской епархіи, чтобы они составили описаніе каждаго города и уѣзда по числу церквей, съ отмѣтками мѣстныхъ достопримѣчательностей. При жизни архипастыря была приведена къ окончанію исторія Нижегородской епархіи. Такъ же ревностно, какъ въ Саратовѣ, заботился преосвященный о раскольникахъ. Онъ посѣтилъ въ Балахнинскомъ и Семеновскомъ уѣздахъ раскольниковыя скиты, единовѣрческія церкви и часовни—твердыни Заволжскаго расколичества.

Онъ входилъ въ дома раскольниковъ, заводилъ съ ними бесѣды, причемъ—раскольники, цѣня его любвеобильное обращеніе, охотно слушали его и сами приходили къ нему въ Нижній за совѣтами. Иногда на мѣстѣ убѣжденія они обращались къ православію и цѣлыми тысячами присоединялись къ единовѣрческой церкви. Такъ были присоединены разомъ цѣлые скиты—мужской Керженскій, Благовѣщенскій и женскій Осиновскій. Въ селѣ Кетроси послѣ бесѣды, длившейся всю ночь, съ бурмистромъ Брызгинымъ, главою раскольниковъ, преосвященный Іаковъ на другой же день присоединилъ къ единовѣрцію свыше двухъ съ половиною тысячъ душъ.

Такъ же, какъ и въ Саратовѣ, сіяла въ преосвященномъ Іаковѣ забота о храмоздательствѣ. Преосвященный получилъ настоятельство въ Нижегородскомъ Печерскомъ монастырѣ и за три года управленія его блестяще обновилъ храмы и другія монастырскія зданія и иконы.

Можно было удивляться, какъ за короткое время много сдѣлалъ преосвященный Іаковъ для монастырей безъ всякаго казеннаго пособія. Страшно крутой сѣздъ въ Печерскую обитель, представлявшій немало неудобствъ, онъ замѣнилъ благоустроеннымъ шоссе. Въ этомъ монастырѣ онъ надѣялся провести на покоѣ остающіеся дни жизни.

Столь же много заботы прилагалъ онъ къ благолѣпію каедральнаго собора. Подобно Саратову, и тутъ устроилъ онъ подъ соборомъ, гдѣ находится гробница великихъ князей, нижегородскихъ іерарховъ и гражданина Козьмы Минаина, трехпрестольную церковь, чтобы въ ней совершались моленія объ упокоеніи почившихъ. Онъ установилъ двадцать второго октября крестный ходъ изъ собора къ памятнику Пожарскаго и Минаина, для совершенія торжественной литургіи по этимъ принопамятнымъ народнымъ вождямъ.

Онъ возобновилъ и украсилъ надгробный памятникъ надъ Минаинымъ и устроилъ среди собора кіотъ для древней византійской иконы Богоматери—Одигитріи, привезенной изъ Царьграда Діонісіемъ, архіепископомъ Суздальскимъ, въ 1381 году и детолъ хранившейся въ ризницѣ. Чтобы расположить людей къ пожертвованіямъ на храмы, онъ первый клалъ деньги въ основаніе сбора, наставлялъ, одобрялъ, просилъ, усердно молился за храмоздателей.

Любя просвѣщеніе, епископъ Іаковъ повсюду выискивалъ способныхъ людей, давалъ имъ—сообразно съ ихъ способностями—разныя поученія, награждалъ деньгами и другими подарками. Отъ его усерднаго взора не укрывался ни одинъ талантъ въ обширной епархіи.

Такъ, о дѣятельности крестьянина Самарина изъ села Катунокъ, Балахнинскаго уѣзда, образцово выдѣлывавшаго дубленныя овчины, преосвященный сообщилъ въ Петербургъ Вольноэкономическому обществу, и мастеръ былъ награжденъ серебряною медалью.

Стараясь въ учащейся молодежи развить способности къ самостоятельному мышленію, онъ устраивалъ диспуты—такія собранія, въ которыхъ ученики должны были читать свои сочиненія и отвѣчать на возраженія противъ нихъ. Семинаристы при немъ, даже въ среднемъ отдѣленіи, должны были писать по три проповѣди въ годъ и учиться въ классѣ произносить ихъ вслухъ.

Помимо того, что преосвященный жертвовалъ въ семинарію всѣ рѣшительно книги, которыя онъ покупалъ, и которыя ему присылали, онъ пожертвовалъ въ бібліотеку большое количество монетъ и камней, легшихъ въ основаніе нумизматиче-

скаго и минералогическаго кабинетовъ. Кромѣ того, онъ располагалъ къ пожертвованію вещами и инструментами въ семинарію состоятельныхъ людей.

Проповѣдь его лилась такъ же неустанно, какъ и въ Саратовѣ. Онъ проповѣдывалъ и въ соборѣ, и въ тюремномъ замкѣ, и въ приходскихъ церквахъ, и особенно—въ крестовой церкви. Но значительная доля вліянія его на паству состояла въ его домашнихъ бесѣдахъ. Какъ у святителя Тихона Задонскаго, у епископа Іакова каждый встрѣтившійся предметъ служилъ для назиданія, давалъ поводъ духовной бесѣдѣ.

Напримѣръ, при обзорѣніи епархіи въ 1849 году,—въ селѣ Вельдемановѣ, Княгининскаго уѣзда, гдѣ родился патріархъ Никонъ, преосвященный Іаковъ сначала совершилъ панихиду по знаменитомъ патріархѣ и потомъ сказалъ краткое поученіе о томъ, что всякій, гдѣ бы онъ ни родился, и изъ какого бы состоянія ни происходилъ, можетъ быть полезенъ церкви и отечеству.

По совершеніи литургіи въ приходскихъ церквахъ, когда онъ заѣзжалъ въ домъ къ церковному старостѣ или къ другому кому изъ прихожанъ,—часто можно было слышать наставленія хозяину о благотворительности, благодареній Божіихъ дому его и о томъ, напримѣръ, что «въ церкви вашей украшены иконы для того, чтобы мы украшали душу свою благолѣпною красотою,—въ церкви вашей горѣло много свѣчей для того, чтобы мы ярче горѣли любовію къ Создателю нашему и Искупителю Богу».

Въ 1849 году, пріѣхавши въ Оленинскій женскій скитъ, Семеновскаго уѣзда, преосвященный Іаковъ началъ говорить предстоявшимъ старицамъ:

— Приближаясь къ вашему мѣсту, я видѣлъ на небѣ свѣтлую радугу, и почитаю это за лучшее предвѣщаніе. Радуга—знаменіе примиренія Бога съ человѣкомъ и соединенія неба съ землею. Надѣюсь, что это небесное явленіе, столь радостно сіяющее въ настоящее время, предвѣщаетъ ваше соединеніе съ православіемъ, ваше примиреніе и согласіе во всѣхъ правилахъ и уставахъ святой Церкви. Да будетъ...

Исполняя завѣтъ апостола: «настой благовременно и безвременно»—епископъ Іаковъ бесѣдовалъ при посѣщеніи церквей, монастырей, общественныхъ заведеній, частныхъ домовъ, и всякому человѣку, думающему о спасеніи души, были невыразимо пріятны эти бесѣды.

Третьяго апрѣля 1849 года преосвященный Іаковъ былъ возведенъ въ санъ архіепископа, и девятнадцатаго ноября того же года вызванъ на полгода въ Петербургъ, для присутствія

въ Святѣйшемъ Синодѣ. Въ немъ было видно предчувствіе того, что онъ болѣе въ Нижній не вернется. Прощаясь съ братіею Печерскаго монастыря, онъ сказалъ:

— Благодарю васъ за молитвы о моемъ здравіи, и прошу молиться обо мнѣ и по смерти моей. Можетъ быть, въ послѣдній разъ нынѣ я бесѣдовалъ съ вами.

Прощальную же бесѣду къ паствѣ своей въ кафедральномъ соборѣ онъ закончилъ словами:

— Любовь моя къ вамъ, гдѣ бы я ни находился, неизмѣнна; она всегда и всюду будетъ сопутствовать мнѣ и услаждать меня; она сойдетъ со мной въ самую могилу.

Въ пути, какъ и всегда, преосвященный Іаковъ нисколько не заботился о себѣ, ни о пищѣ, ни объ удобномъ ночлегѣ. Онъ только спрашивалъ, хорошо ли устроена его свита и особенно малолѣтніе пѣвчіе?

Въ Москвѣ, остановившись у Московскаго митрополита Филарета, онъ объѣхалъ московскія святыни, поклоняясь мощамъ угодниковъ и чудотворнымъ иконамъ. Въ Петербургѣ преосвященный Іаковъ остановился въ Мадоярославскомъ подворьѣ, и сразу сталъ чувствовать ослабленіе своихъ силъ. Въ лаврѣ, показывая своимъ спутникамъ храмы, онъ говорилъ:

— Въ этомъ храмѣ меня постригали въ мантію, а въ этомъ посвящали во іеродіакона и іеромонаха. Да какъ бы Богъ не привелъ здѣсь и кости положить.

Съ марта 1850 года преосвященный, дотолѣ отправлявшій рачительно синодальныя и епархіальныя дѣла, сталъ сильно слабѣть. Несмотря на требованія докторовъ, онъ не хотѣлъ нарушить Великаго поста. Часто онъ пріобщался. Пока могъ стоять на ногахъ, молился на колѣняхъ и лежалъ ничкомъ на коврѣ, вздыхая предъ Богомъ.

Въ первый день Пасхи, не совершая самъ утрени, онъ чрезъ силу отслужилъ въ крестовой церкви послѣднюю литургію, но евангеліе читать не могъ.

Съ Пасхи жизнь его стала быстро угасать. Многіе, наслышавшись объ его подвижнической жизни, посѣщали его. Онъ часто повторялъ окружающимъ:

— Умру я здѣсь,—и прибавлялъ:

— Конечно, я не боюсь смерти.

Еще двадцать лѣтъ назадъ, въ болѣзни, онъ набросалъ такіа строки:

«Вотъ, начинается болѣзнь—слава Тебѣ, Господи! Вотъ, болѣзнь усиливается—слава Тебѣ, Господи! Вотъ, можетъ постигнуть смерть—слава Тебѣ, Господи! Мнѣ еже жити Христось, а еже умрети—пріобрѣтеніе».

Онъ подалъ прошеніе объ увольненіи отъ присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ и располагалъ выѣхать въ Новгородъ и остановиться, для поправленія своего здоровья, въ Юрьевской обители.

Отпустивъ большую часть свиты въ Нижній, за недѣлю до кончины онъ былъ особорованъ ночью и затѣмъ приобщенъ. Предъ самымъ концомъ, когда все уже было готово къ отъѣзду, онъ пожелалъ снова исповѣдаться и приобщиться. Со слезами онъ просилъ прощенія у всѣхъ близкихъ и дальнихъ. Онъ все повторялъ никогда не оставляемую имъ молитву Исусову. Обративъ очи къ иконѣ Богоматери, со словами: «Господи, помилуй», онъ скончался двадцатаго мая 1850 года, въ два часа пополудни, на пятьдесятъ девятомъ году жизни.

Архіепископъ Іаковъ похороненъ въ Петербургѣ, въ лаврской Феодоровской церкви, на лѣвой сторонѣ отъ царскихъ вратъ, протѣивъ мѣстной иконы Богоматери. Вѣсть о кончинѣ преосвященнаго вызвала въ епархіи его искреннее сожалѣніе.

Преосвященный Іаковъ является, прежде всего, человѣкомъ горячаго, искренняго сердца. Нѣкоторые не находили въ его бесѣдахъ письменныхъ и словесныхъ строгаго логическаго порядка. Зато, изливаясь отъ сердца, онъ увлекали всѣхъ людей съ сердцемъ.

Въ словахъ его видна назидательность, ясность, необыкновенно доступныя выраженія, сравненія и уподобленія. Истины, самыя отвлеченныя, подъ его перомъ оказывались доступными людямъ образованнымъ и необразованнымъ.

Природа предъ его свѣтлымъ взоромъ была зеркаломъ Провидѣнія, и каждый предметъ природы представлялъ ему соотношеніе съ внутренней жизнью человѣка. Онъ не только училъ свою паству. Онъ въ жизни своей изображалъ то, чему училъ другихъ. Онъ такъ говорить объ этомъ:

«Не каждый, прекрасно описывающій видъ нивъ, покрытыхъ богатою жатвою, можетъ почестъся земледѣльцемъ. Не каждый, прекрасно говорящій или пишущій о плодахъ духовной жизни можетъ назваться человѣкомъ духовной жизни. Иное дѣло—описывать труды земледѣльца, иное дѣло—производить работы земледѣльческія. Часто встрѣчаются такіе прекрасные описатели земледѣльческихъ занятій, которые никогда не несли трудовъ земледѣльческой жизни. Нерѣдко лучшіе, трудолюбивѣйшіе земледѣльцы не умѣютъ дѣльно рассказать о своихъ занятіяхъ. Нерѣдко трудолюбивѣйшіе и многоуспѣвшіе подвижники духовной жизни не умѣютъ изъяснить дѣлъ духовной жизни. Царство Божіе не въ словеси, но въ силѣ. Духовная

жизнь не въ словѣ, но въ дѣлѣ, въ трудахъ, въ подвигахъ тяжкихъ, особенно—по началу.

Главными чертами его внутренней жизни была непрестающая память о Богѣ, постоянное сознаніе Его великихъ благодѣяній, преданность волѣ Божией, терпѣніе, кротость и воздержаніе. Онъ, можно сказать, не разставался съ сладчайшимъ именемъ Іисуса Христа, которое у него было и въ сердцѣ и на языкѣ всегда.

«Господи Іисусе Христе,—писалъ онъ однажды въ своихъ замѣткахъ,—Ты все для меня, Ты мой Богъ и Благодѣтель, Ты мой законодатель и сила, исполняющая законъ, Ты мой судія и заступникъ»...

Въ его внутреннемъ мірѣ была постоянно нова и чувствительна крестная жертва Господа Іисуса Христа, и память о ней возбуждала въ немъ чувство смиренія и благодарности. Этой благодарностью къ Богу онъ свѣтился неугасимо.

«Благодарю Тебя, Господи Боже мой, за дарованіе мнѣ бытія, за рожденіе меня въ христіанской вѣрѣ, за благочестивыхъ родителей, примѣромъ своей богобоязненной жизни много мнѣ сдѣлавшихъ пользы, за пречистую Дѣву Марію, Ходатаицу о спасеніи рода нашего, за святыхъ угодниковъ Твоихъ, молящихся за насъ, за ангела-хранителя, за общественное богослуженіе, поддерживающее въ насъ вѣру и добродѣтель, за Св. Писаніе, за назидательныя сочиненія, за побужденіе къ покаянію, за враговъ, много намъ въ жизни дѣлающихъ пользы, за прикрытіе, по многой Твоей милости и премудрости, моихъ беззаконій и непотребствъ, за святыя таинства, въ особенности—за Тѣло и Кровь Твою, за таинственныя благодатныя утѣшенія, за надежду получить Царствіе небесное и за всѣ блага, Тобою мнѣ дарованныя».

Что-то непосредственное, какъ у ребенка, было въ отношеніяхъ къ Богу:

«Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, даждь мнѣ духъ молитвы. Молиться хочу, но не могу собрать мыслей, не могу сосредоточить вниманія на единомъ предметѣ молитвы, не могу успокоить возмущающуюся душу, не могу ослабить напряженныхъ и непрестанно въ большее напряженіе приходящихъ грѣховныхъ представленій. Чувствую темноту въ душѣ, тягость на сердцѣ; нѣтъ умиленія, нѣтъ радости, нѣтъ слезъ. Суетные предметы житейскихъ обязанностей и грѣхи, какъ стѣна, стоятъ подъ очами моими и препятствуютъ свободно бесѣдовать съ Господомъ... Вседержителю Боже, пославый нѣкогда Ангела отвалить камень, лежавшій на гробѣ Спасителя Бога нашего, послѣ того же Ангела, да отвалить тягость, ле-

жашую на сердцѣ моемъ... Воскресъ Спаситель отъ гроба, да воскреснуть и силы, сокровенныя въ душѣ моей, составляющія образъ Твой, да воскреснетъ Самъ Христосъ въ насъ и поживетъ. О, Господи, паки повторяю: даждь мнѣ и побужденія, и средства, и силы въ молитвѣ, и самую молитву».

Съ глубокою вѣрою, съ сокрушеннымъ сердцемъ, съ благоговѣніемъ безграничнымъ приступая къ совершенію литургіи, онъ такъ мыслить о томъ высшемъ счастьи овященнослужителя въ высочайшую минуту, какую переживаетъ на землѣ человѣческая душа:

«Что мы дѣлаемъ, когда совершаемъ Божественную литургію? Мы вспоминаемъ, олицетворяемъ уничиженное и прославленное состояніе Иисуса Христа, то есть Его воплощеніе, Его рожденіе, Его многотрудные подвиги, подъятые въ проповѣданіи Евангелія, Его страданія, Его смерть, Его воскресеніе и вознесеніе на небо. Совершая литургію, вспоминая о глубочайшемъ смиреніи Иисуса Христа, прилично ли носить въ душѣ гордыя помышленія и терзаться самолюбіемъ? Имѣя въ виду тихій свѣтъ закланнаго Христа на жертвенникѣ, прилично ли омрачаться тоскою честолюбія? Богъ уничиженъ; а ничтожная тварь дышитъ гордостію и мечтаетъ о средствахъ, утучняющихъ самолюбіе. Гдѣ нѣтъ смиренія, тамъ литургія для литургисающаго въ грѣхъ, а не въ спасеніе».

На другой разъ онъ пишетъ такъ:

«Приступаю къ воспоминанію рожденія, жизни, страданій, смерти, воскресенія и вознесенія на небо Господа Иисуса Христа; приступаю, по милости Божіей, къ совершенію Божественной литургіи; приступаю къ принятію пречистыхъ и животворящихъ Тайнъ Тѣла и Крови Христовыхъ. Страшная минута! Теперь мнѣ должно имѣть въ мысляхъ одно святое, одно небесное. Теперь мнѣ должно мыслить о Виѣлемѣ, о Іерусалимѣ, о Голгоѣѣ. Теперь преимущественно мнѣ должно идти по слѣдамъ Христа, слушать Его ученіе, видѣть Его дѣла. Теперь мнѣ должно и память, и воображеніе, и разумокъ сосредоточить въ одномъ Христѣ Спасителѣ. Теперь мнѣ должно погрузить во Христа умъ мой и сердце мое. Теперь мнѣ должно жить Христомъ, мыслить Христомъ, желать Христомъ и, такъ сказать, преобразиться во Христа».

Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которые учатъ паству свою, какъ можно чаще приступать къ совершенію святыхъ Тайнъ и къ приобщенію. Онъ сравниваетъ силу причастія съ Божественнымъ углемъ, который тѣмъ больше будетъ согрѣвать внутренній сосудъ духа нашего, чѣмъ чаще будемъ раздувать его.

Ревность о славѣ Божіей внушала преосвященному Іакову его заботу о постройкѣ и украшеніи храмовъ. Но особенно ярко проявлялась она въ обращеніи къ православію раскольниковъ, иновѣрцевъ и другихъ отпавшихъ дѣтей церкви. Онъ радовался неизреченно, когда узнавалъ о присоединеніи ихъ и о распространеніи Церкви Христовой.

Сохранилась его рѣчь, говоренная имъ графу Потюцкому по случаю присоединенія его изъ католичества въ православіе.

Преосвященный Іаковъ отличался глубокой преданностью волѣ Божіей. Благодушествовалъ ли онъ въ мирѣ, терпѣлъ ли искушенія,—всюду онъ ясно чувствовалъ Божию Десницу, которая все устраиваетъ къ лучшему. Въ страданіяхъ послѣднихъ лѣтъ своей жизни, во всякихъ случавшихся непріятностяхъ постоянно говорилъ: «такъ Богу угодно» и—на этой мысли успокаивалось его сердце.

И эта преданность волѣ Божіей выработала въ немъ его великое терпѣніе. Любимымъ обращеніемъ его къ мірянамъ и къ каждому было слово: «спасайся» или «спасайтесь».

Кротокъ преосвященный Іаковъ былъ до такой степени, что всякое оскорбленіе, даже отъ подчиненныхъ, онъ переносилъ спокойно и никогда не чувствовалъ обиды, ему причиненныхъ. Его великое спокойствіе и кротость выработали въ немъ его суровость къ себѣ и воздержаніе. Онъ даже не пилъ чаю, и употреблялъ вмѣсто чая иногда чашку, другую сушеной малины у себя и въ людяхъ, а вечернюю жажду утолялъ зимой и лѣтомъ яблоками.

Трапеза его была скудна. По средамъ и пятницамъ онъ довольствовался сухояденіемъ, а въ первую и страстную недѣлю поста, а также одну недѣлю поста Успенскаго—онъ вовсе не принималъ пищи, удаляясь на это время въ монастырь. Вотъ, съ какими чувствами проводилъ онъ посты:

«Наступило время святого поста. Отдохни, успокойся, душа моя, не только отъ дѣлъ сатанинскихъ, и отъ дѣлъ, страстями производимыхъ, но и отъ дѣлъ невинноземныхъ. Успокойся, утихни, войди въ себя, собери въ нѣдра свои твои мысли и чувствованія, затворись въ себѣ и попусти единому страшному и возлюбленному, грозному и благому, правосудному и милосердному Богу дѣйствовать въ тебѣ, очищать тебя, освящать и вдыхать въ тебя Божественныя силы, могущія укрѣпить на будущіе богоугодные подвиги. Успокойся, отдохни. Земля, отдыхая отъ рала, по естеству втягиваетъ въ себя и накапливаетъ растительныя силы; а душа успокоенная привлекаетъ къ себѣ благодать чрезъ молитву».

О достоинствѣ же поста, который онъ называлъ духовнымъ хлѣбомъ, онъ разсуждалъ такъ:

«Душа со смиреніемъ и съ благодареніемъ ко Господу, насытившись симъ хлѣбомъ, обрадованная входитъ мысленно въ сообщество съ ангелами, съ Самимъ Богомъ, охотно, свободно воспѣваетъ тамъ внутреннюю молитву и, какъ веселая птица, рѣветъ по таинственному вертограду Господню. Господи Іисусе Христе, постившійся сорокъ дней и сорокъ ночей, научи насъ поститься святымъ постомъ!»

Но съ этимъ постомъ преосвященный Іаковъ соединялъ и воздержаніе душевное, то есть величайшее смиреніе. То, чѣмъ полна была его душа, что скрашивало его жизнь, что давало ему эти мысли, эти одушевлявшія его чувства, онъ старался перелить въ свою паству, пользуясь всякимъ случаемъ, чтобы въ воодушевленномъ потокѣ бесѣды своей наставить лицъ, съ которыми говорилъ лицомъ къ лицу или съ которыми говорилъ письменно.

Онъ училъ ихъ о счастьѣ духовной жизни, онъ давалъ имъ расположеніе къ той клѣти духовнаго самоуглубленія, ко внутренней жизни во Христѣ, которую онъ повелъ съ сознательныхъ лѣтъ своихъ, и которая ему самому дала такое счастье. Только человѣкъ, жившій самою высокою духовною жизнью, только человѣкъ, на дѣлѣ ощущавшій приходъ къ душѣ его возлюбленнаго Христа, могъ начертать такія строки:

«Вы теперь въ уединеніи; поздравляю васъ; пользуйтесь благами уединенія. Среди тишины уединенія потихоньку, исподволь, приближайтесь къ Богу, ищите Христа Спасителя умомъ и сердцемъ, преклоняйтесь предъ Нимъ, плачьте, говорите Ему, что безъ Его помощи вы не можете ничего добраго ни сдѣлать, ни сказать, ни помыслить, что съ Нимъ-то уединеніе и благотворно и чудотворно. Спаситель любитъ уединеніе и живущихъ въ уединеніи. Онъ скоро услышитъ ваше прошеніе, посѣтитъ васъ и дастъ вамъ почувствовать пользу уединенія. Христосъ съ вами. Матерь Божія, особенная ваша Покровительница, да будетъ къ вамъ всегда такова, какова была.—Вы дочь Ея, а Она ваша Мать».

Такъ жилъ онъ самъ. Къ этому онъ велъ и свою паству.

ИГУМЕНЪ АНТОНІЙ

(настоятель Малоярославецкаго Николаевскаго монастыря).

ВИВАЮТЪ иногда люди, въ присутствіи которыхъ вы чувствуете какое-то удивительное успокоеніе духа, какой-то миръ душевный. Даже если вы не слышите отъ нихъ никакихъ словъ, но самое то, что они присутствуютъ тутъ, рядомъ съ вами, вамъ доставляетъ великую отраду.

Иногда эти люди во многомъ уступаютъ въ дарованіяхъ своихъ другимъ вашимъ знакомымъ, которые—однако—не производятъ въ васъ ни малой доли того духовнаго, высокаго впечатлѣнія, какъ тѣ, съ которыми вамъ такъ хорошо. Въ этихъ отраднѣхъ людяхъ есть одна тайна,—тайна души, нашедшей Бога, содержащей Господню благодать и разливающей вокругъ себя эти лучи.

Такимъ отраднѣмъ челоуѣкомъ былъ тихій старецъ Антоній, игуменъ Малоярославецкаго монастыря, Калужской епархіи, ставшій болѣе извѣстнымъ среди лицъ, дорожащихъ подвижничествомъ, въ тѣ годы, когда онъ жилъ на покоѣ въ Оптиной пустыни, гдѣ братъ его, незабвенный архимандритъ Моисей, былъ настоятелемъ.

Игуменъ Антоній, кажется, не имѣлъ тѣхъ организаторскихъ способностей, какія были даны его брату, первоначальному знаменитаго скита Оптиной пустыни. Но въ немъ была та же задушевность и то же великое смиреніе. Въ Оптиной пустыни имѣютъ основаніе думать, что игуменъ Антоній, какъ и братъ его, архимандритъ Моисей, почиваетъ нетлѣнно. И если поучительна жизнь старца въ эпоху его подвижничества, то

не менѣе интересны и годы его дѣтства и юности, какъ яркій примѣръ того, чѣмъ была жизнь благочестивой молодежи въ началѣ прошлаго вѣка, въ грамотныхъ и болѣе или менѣе состоятельныхъ слояхъ русскаго простонародья.

Подробности дѣтства игумена Антонія извѣстны благодаря оставшимся его собственноручнымъ воспоминаніямъ, которыя имъ озаглавлены такъ: «Келейныя записки игумена Антонія для памяти о минувшемъ своемъ житьѣ-бытьѣ, младенчествѣ и отрочествѣ, то есть когда, въ какомъ мѣстѣ родился, кто были его родители и предки и гдѣ учились и чему учились и прочее, и прочее».

Отецъ Антоній, въ міру Александръ Ивановичъ Путиловъ, родился въ городѣ Романовѣ, Ярославской губерніи, девятаго марта 1795 года, на память свв. четырехдесяти великомучениковъ, пострадавшихъ въ Севастіи, въ пятницу крестопоклонной недѣли Великаго поста, во время литургіи преждеосвященныхъ даровъ.

Родителями его были серпуховскій гражданинъ Иванъ Григорьевичъ Путиловъ и жена его, Анна Ивановна. Восприемниками отъ купели младенца былъ родной его одиннадцатилѣтній братъ, Кирилль Ивановичъ, и родная сестра, шестнадцатилѣтняя дѣвица, Анисья Ивановна. Родился онъ болѣзненнымъ. Отецъ его былъ записанъ въ купцы города Серпухова, Московской губерніи. А дѣдъ и прадѣдъ его были монастырскими крестьянами того же Серпуховскаго уѣзда, принадлежавшими къ Высоцко-Серпуховскому монастырю, и—при всей честности своей—жили весьма скудно.

Отецъ его, представлявшій собою типъ цѣльнаго и набожнаго русскаго челоуѣка прежняго стараго времени, съ крѣпкимъ характеромъ, который часто болѣзненно ощущался окружающими, остался сиротою десяти лѣтъ отъ роду съ сестрою, на десять лѣтъ его старшею, младшимъ братомъ и матерью. Платить ему за ученіе свое было нечѣмъ, и онъ немного поучился бесплатно въ Высоцкомъ монастырѣ, у слѣпюго старца іеродіакона Юлія. Писать научился онъ самоучкою уже взрослою, на свободѣ отъ дѣла, или урывками между дѣломъ. Сирота былъ отданъ матерью на полотняную фабрику къ фабриканту Кишкину въ работники, разматывать пряжу. Дешево цѣнился такой трудъ. Мальчикъ получалъ по три деньги въ недѣлю или по полушкѣ въ день. (Теперь нищій станеть васъ ругать, если вы ему протянете въ милостыню полушку). Но, говоря объ этой платѣ, отецъ игумень Антоній замѣчаетъ, что, несмотря на ея ничтожность, она имѣла въ то время значеніе, такъ какъ всѣ припасы и продукты отличались неимовѣр-

ною дешевизною и деньги тогда считались не рублями, а алтынами (нынѣшнія три копѣйки). Однако—и при тогдашней дешевизнѣ мальчику приходилось такъ тяжело отъ своей скудости, что въ одинъ праздничный день онъ уединился въ загородную монастырскую рощу и въ мысляхъ о своемъ горькомъ сиротствѣ, скудости и безпомощности долго плакалъ, молясь Богу и со слезами прося Его о помощи, заступленіи, вразумленіи и утѣшеніи. И послѣ этой долгой и слезной молитвы онъ почувствовалъ на душѣ миръ; его судьба представилась ему не въ такомъ уже мрачномъ видѣ, и онъ сталъ терпѣливо переносить свой жребій.

На полотняной фабрикѣ, за очень ничтожную плату, онъ работалъ годъ или полтора. Потомъ онъ перешелъ въ служеніе по питейнымъ сборамъ и при этомъ дѣлъ находился въ разныхъ городахъ до самой своей кончины, повышаясь постепенно по службѣ и соотвѣтственно получая больше жалованья. Сперва онъ служилъ въ этомъ дѣлѣ бесплатно, получая только платьѣ, обувь и харчи, потомъ ему стали платить сперва по полтинѣ въ мѣсяць, далѣе—по рублю, по полтора, по три, по десяти и т. дал.

При рожденіи у него сына Александра отецъ его получалъ—будучи сорока трехъ лѣтъ отъ роду, по двѣсти рублей въ годъ. И денегъ этихъ хватало ему на содержаніе всего семейства, которое состояло изъ шести человѣкъ дѣтей, бабушки и другихъ разныхъ лицъ.

Такъ называемыми «безгрѣшными» доходами Путиловъ никогда не пользовался, считая это для себя,—какъ говорить его сынъ,—«низостью и воровствомъ». Поэтому, за свои пятьдесятъ лѣтъ работы капитала онъ себѣ не составилъ, а приобрѣлъ только имя честнаго безкорыстнаго человѣка. За его добрую службу хозяева постепенно продолжали возвышать ему жалованье до трехсотъ, пятисотъ, семисотъ и, наконецъ, возвысили до тысячи девятисотъ рублей въ годъ—послѣдній окладъ его жалованья въ жизни.

Женился Путиловъ двадцати трехъ лѣтъ на Аннѣ Ивановнѣ, на полтора мѣсяца его старшей, происходившей изъ высоцкой же монастырской слободы. Вскорѣ послѣ свадьбы молодые переѣхали жить въ Воронежъ. И тутъ Путиловъ, однажды, удостоился быть въ кельѣ у великаго святителя Тихона, епископа Воронежскаго, чтобы принять отъ него благословеніе.

Всѣхъ дѣтей у Путилова было десятеро, изъ которыхъ четверо умерли въ младенчествѣ. Пять сыновей достигли старости, а старшая дочь, Анисья, скончалась въ молодости.

Путиловъ былъ—въ истинномъ словѣ—православный хри-

стіанинъ. Онъ соблюдалъ всѣ правила святой Христовой Церкви, хранилъ строго всѣ святые посты, въ среды и пятницы всего года онъ постничалъ. И во всѣ воскресенья и праздничные дни ходилъ къ литургіи и водилъ всегда съ собою дѣтей.

По древнему обычаю, онъ своимъ новорожденнымъ дѣтямъ давалъ имя, согласно съ правилами Церкви, — имя святого, празднуемаго въ восьмой день по рожденіи, которое случится. Когда всякому изъ его дѣтей исполнялось семь лѣтъ, онъ начиналъ учить ребенка самолично грамотѣ, — чтенію и письму. Въ училище онъ ни одного сына не отдавалъ, не потому, что не желалъ видѣть ихъ образованными, но опасался, что отъ недосмотра учителей и отъ дурного товарищества не привилась бы къ дѣтямъ его чего-нибудь дурного и не испортилась бы ихъ нравственность. И когда онъ уходилъ изъ дому на службу, то говорилъ своей женѣ:

— Смотри, мать, за дѣтьми, чтобы они учились, а не рѣзались бы попусту!

Отправляясь въ праздники и въ воскресные дни въ церковь, отецъ бралъ всегда съ собою всѣхъ своихъ пятерыхъ сыновей. Дѣти шли всѣ вмѣстѣ впереди его скромно, не смѣя оглядываться, и въ церкви стояли передъ нимъ такимъ же образомъ. Отецъ требовалъ отъ дѣтей, чтобы они внимательно слушали чтеніе Апостола и Евангелія, и по возвращеніи домой — они должны были пересказать ему слышанное. Во время службъ отецъ становился на клиросъ и пѣлъ, такъ какъ хорошо зналъ всѣ церковные напѣвы и имѣлъ пріятный голосъ. Становились на клиросъ и его дѣти, стройно подпѣвая.

У себя дома Путиловъ тоже, нерѣдко, занимался церковнымъ пѣніемъ, въ особенности же — въ праздничные дни. Въ эти дни, послѣ обѣда и отдыха, онъ любилъ пѣть духовные псалмы, — на примѣръ, на слова: «Господи, кто обитаетъ въ жилищѣ Твоемъ», «О, горе мнѣ — грѣшному существу, горе-благихъ дѣлъ не имущу», «Исусе прелюбезный, сердцу сладосте», и другіе. Пѣніе у Путилова съ дѣтьми выходило стройное, одушевленное. Многіе проходившіе останавливались у дома, подъ окнами, и слушали. А прохожихъ бывало не мало, такъ какъ Путиловы жили на главной улицѣ. Свѣтскихъ пѣсень отецъ дѣтямъ въ своемъ присутствіи не позволялъ пѣть.

Отраденъ былъ видъ этого русскаго человѣка съ почтенною наружностью; хорошаго роста, съ открытымъ благороднымъ лицомъ, съ почтительнымъ и привѣтливымъ со всѣми людьми обхожденіемъ, съ какой-то привлекательностью во всемъ существѣ. Онъ былъ уменъ и начитанъ въ Священномъ

Писаніи, въ церковной исторіи и житіяхъ святыхъ и во многихъ историческихъ сочиненіяхъ.

Онъ имѣлъ отличную память и умѣлъ со всѣми пріятно и кстати поговорить. Съ духовными лицами онъ разсуждалъ о духовныхъ предметахъ, съ купцами—о купеческихъ дѣлахъ, съ отставными военными—о походахъ и сраженіяхъ Суворова, съ мужиками—о сельскихъ работахъ. Съ отцами онъ говорилъ о воспитаніи дѣтей въ страхъ Божиємъ, съ молодежью—объ опасности разгульной жизни, съ женами толковалъ о взаимномъ согласіи въ семьѣ. Всѣ его разговоры были назидательны и пріятны.

Онъ часто, для подтвержденія своей рѣчи, приводилъ мѣста изъ Священнаго Писанія. При серьезности своей, онъ любилъ невинныя шуточки и зналъ много скромныхъ анекдотовъ. Былъ, вообще, характера веселаго, но не позволялъ себѣ ни надъ кѣмъ смѣяться. При всемъ томъ, онъ отличался радушіемъ и гостепріимствомъ и былъ хлѣбосоль. Кто бы ни посѣтилъ его за обѣдомъ, онъ всякаго убѣждалъ присѣсть за его домашнюю стряпню, хотя бы приходилось сажать съ собой за столъ простаго мужичка, солдата или даже двороваго человѣка.

За всѣ эти качества въ тѣхъ городахъ, гдѣ онъ живалъ, его всѣ любили. Самъ же онъ особенно искалъ общества духовныхъ лицъ, которыя чаще всего посѣщали его домъ.

Такимъ же отраднымъ явленіемъ несложной тогдашней русской жизни была супруга его, Анна Ивановна. До замужества она воспитывалась въ домѣ родителей, занималась по домашнему быту: стряпней и шитьемъ бѣлья и носильнаго платья. Грамотѣ она не знала, но была благочестива и усердна къ молитвѣ, и съ семилѣтняго возраста она почти ежедневно ходила къ обѣднѣ въ Высоцкій монастырь, который стоялъ близко отъ ихъ дома.

Тутъ жилъ въ то время ея родной дѣдушка, іеромонахъ Іоиль, глубокой старецъ праведной жизни, отецъ ея матери. Отправляясь къ обѣднѣ, она часто заходила въ келью къ дѣдушкѣ и приносила ему отъ матери когда—ломтикъ мягкаго хлѣба, когда—печеное яйцо, когда—молочка и небольшую булочку. Дѣдушка, благодаря дѣвочку, обѣщалъ всякій разъ ее наградить.

— Чѣмъ вы меня наградите?—спрашиваетъ ребенокъ.

— У меня, — отвѣчалъ дѣдушка, — приготовлено очень много сокровищъ.

— Гдѣ сокровища ваши?—спрашиваетъ она. — Въдѣ, у васъ въ кельѣ и сундучка нѣтъ!

А дѣдушка отвѣчаетъ, что сокровище его лежитъ подъ престоломъ Божиимъ. Такъ намекалъ онъ ей на будущее воздаяніе въ вѣчной жизни, гдѣ и за чашу студеной воды обѣщана обильная награда. А можетъ быть—старецъ предрекалъ ей этими словами ея счастливую брачную жизнь и то, что изъ числа ея дѣтей три сына ея поступятъ въ монашество и будутъ настоятелями монастырей.

За все тридцатипятилѣтіе брачной жизни Анна Ивановна показала себя—въ полномъ смыслѣ слова—усердной помощницей и послушной женой своему мужу. Они жили такъ согласно, ни въ чемъ ни разу не расходясь, что хотя, вообще, въ то время узы брака были очень крѣпки,—многіе на нихъ удивлялись.

Съ самаго начала вступленія своего въ брачную жизнь и до кончины Анна Ивановна занималась въ домѣ хозяйствомъ. И тогда, когда она имѣла наемную прислугу, она лично стряпала, пекла хлѣбы, приготавливала вкусные квасы и бражки, всегда сама покупала все до мелочныхъ припасовъ, а годовые запасы для ея дома всегда дѣлала ея мужъ.

При всѣхъ этихъ занятіяхъ и смотрѣніи за дѣтьми, Анна Ивановна почти ежедневно ходила къ обѣднѣ, а по ночамъ дома всегда усердно и продолжительно молилась. Дѣти въ свое время замѣтили это, и позже оцѣнили и стали подражать ей. Такъ, безъ словъ, она пробудила въ нихъ рвеніе къ ночной, угодной Богу, молитвѣ.

Анна Ивановна отъ юности до старости любила бѣдныхъ,—какъ говорили тогда «нищую братію Христову». По возможности, она всегда благоворила имъ и явно, и тайно, и отъ покупки для дома оставляла по нѣскольку гривенъ, а иногда и рублей, съ согласія мужа, и этими деньгами одѣляла нищихъ и убогихъ.

Она была скромна и не увлекалась похвалами, которыя слышала себѣ. Какъ-то разъ стали при ней хвалить ее за воспитаніе дѣтей, что она имъ привила такую вѣжливость и скромность, а она въ отвѣтъ:

— Слава Богу, дѣти у меня ничего себѣ; но, къ сожалѣнію, до хорошихъ далече еще не дошли.

Когда Александру было два года, отецъ его изъ Романова перебрался съ семьей въ Пошехонье и здѣсь схоронилъ свою мать, безграмотную и очень добрую старушку. Внуки во всю жизнь свою вспоминали съ благодарностью, какъ она нянчилась съ ними и занимала ихъ своими разговорами и рассказами, среди которыхъ были басни и сказочки собственнаго сочиненія,—напримѣръ, о птичкахъ: что онѣ дѣлають утромъ, что о

днемъ и что вечеромъ. Утромъ, проснувшись рано, всѣ онѣ поютъ и прославляютъ Бога. Послѣ того всѣ онѣ разлетаются на промыселъ, кто куда. И когда что замѣтитъ одна, другой пересказываетъ. Напримѣръ, одна птичка говорить:

— Я была въ такой-то деревнѣ и видѣла одну мать, которая плеткой наказывала шаловливаго сына.

А другая въ отвѣтъ:

— А я въ такомъ-то селѣ видѣла, какъ мать своего умненькаго сынка ласкала, лакомила пряничками и общала ему сшить обновку.

Къ этимъ рассказамъ птички бабушка, бывало, прибавить:

— Вотъ, вы, дѣтки, должны встать утромъ рано, молиться Богу, быть послушными и умными, и тогда васъ будутъ ласкать и лакомить. А будете вы упрямы и плохо себя вести, то мать попотчуетъ васъ плеткой до слезъ.

Изъ Пешехонья семья переѣхала снова въ Романовъ, и среди впечатлѣній этихъ годовъ отецъ Антоній вспоминалъ вполсѣдствіи:

«Я въ то время имѣлъ необыкновенно тонкій слухъ, такъ что каждую ночь просыпался при первомъ ударѣ въ колоколь къ утрени, и будилъ къ оной родителей и братьевъ своихъ, говоря: «донъ-донъ. Ангелы поютъ, вставай молиться»,—что продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ. Но когда увидѣлъ, что нѣкоторые братья стали сердиться на меня за сіе и не стали вставать,—то и я, смотря на нихъ, сталъ пренебрегать и, подобно имъ, погружаться въ сонъ и спать безъ просыпу всю ночь. А съ перваго дня святой Пасхи Христовой сталъ я ходить всегда къ обѣднѣ, когда бывала служба, безъ проводника, и всегда становился во святомъ алтарѣ, гдѣ священникъ меня ласкалъ и, чтобы я не усталъ, сажалъ меня на окошко, и давалъ мнѣ—когда антидоръ, когда просфору, и тѣмъ приучилъ меня всегда приходиться къ службѣ.

«И если замѣчалъ я, когда кто подходилъ къ пріобщенію Св. Таинъ, то и я тогда подходилъ, и онъ меня пріобщалъ. А однажды случилось, что когда я подошелъ къ священнику и сталъ просить себѣ просфоры, священникъ вздумалъ меня просить:

— Что, братъ, не позавтракалъ ли ты?

«И я таковымъ вопросомъ его обидѣлся и ушелъ изъ церкви домой и, пришедши, жаловался родителю своему на обиду священника:

— Тятенька, я сталъ просить у попа: пожалуйста мнѣ просфорочку, а онъ мнѣ сказалъ: «что, братъ, не позавтракалъ ли ты?» Какая ему нужда спрашивать о семь? Когда просятъ, дол-

жень онъ давать, а не спрашивать! (И только что окончилъ я жалобу свою, какъ и священникъ приходитъ къ намъ въ домъ съ просфорой мириться со мной. Изъ этого случая открылись во мнѣ въ первый разъ капризы, отъ которыхъ въ слѣдующее время сохрани меня, Господи!»

Александръ росъ ребенкомъ блѣднымъ, болѣзненнымъ и до тринадцатилѣтняго возраста вынесъ столько недуговъ, что въ послѣдствіи говорилъ:

— Другой и въ сто лѣтъ столько не бывалъ боленъ, какъ я въ тринадцать. То, что онъ, при простотѣ тогдашней медицинской помощи въ провинціи, остался жить,—показываетъ, что онъ былъ отмѣченъ уже Божиимъ перстомъ, какъ показываютъ это также и многочисленныя опасности, изъ которыхъ онъ выходилъ невредимымъ.

Такъ, маленькимъ мальчикомъ, онъ однажды, на берегу рѣки, увязавшись за матерью, сталъ собирать и класть въ подолъ себѣ маленькіе камешки и раковинки. Потомъ, нагнувшись, хотѣлъ достать камешки изъ воды и упалъ головою въ воду. Мать, бывшая на берегу, успѣла схватить его за рубашку и вытащить.

Другой разъ мальчики его возраста и немного постарше завели его на лустырь, гдѣ росла крапива, репейникъ и бѣлена и накормили его бѣленой, приговаривая:

— Ъшь, братъ, это макъ!

Онъ отъ отравы заболѣлъ, и его еле отпоили парнымъ молокомъ. Въ пять лѣтъ мальчику пришлось высказать свое намѣреніе быть духовнымъ. Во время литургіи онъ всегда становился въ алтарѣ. Какъ-то воспоминаетъ онъ:

«Приласкавши меня, родитель мой спрашивалъ: «Къ чему мнѣ тебя готовить? То есть къ какому занятію: къ торговлѣ, или къ художеству какому, или къ службѣ?» Я отвѣчаю: «Я, тятенька, хочу въ попы». А родитель мнѣ на сіе сказалъ: «Въ попы, не учась, не ставятъ; а ты у меня глупенькій, ничего не знаешь». А я возразилъ: «Тятенька, попы въ алтарѣ ничего не дѣлаютъ, только сидятъ; а читаютъ и поютъ лишь одни дьячки да діаконъ».

«Черезъ этотъ разговоръ въ первый разъ открылось во мнѣ желаніе поступить въ духовное званіе. И послѣ сего, когда я дома у себя игралъ съ дѣтьми, сверстниками мнѣ, то наряжался попомъ, то есть вмѣсто епитрахили надѣвалъ на шею полотенце, а на плечи платокъ вроспускъ—вмѣсто ризъ. А вмѣсто кадила я бралъ мячикъ, и привязывалъ къ нему шнурокъ и кадилъ всѣхъ. А когда давали мнѣ пряничекъ или яблочко, то

я разрѣзывалъ оныя на мелкія кусочки и, положи на тарелочку, раздавалъ вмѣсто антидора—и благословлялъ рукою.

Въ этомъ возрастѣ ему пришлось въ первый разъ сказать неправду. Священникъ послалъ его съ мѣшечкомъ предъ обѣдней изъ церкви къ попадѣ за просфорами. Онъ, идя дорогой, съѣлъ одну теплую просфорку; остальные принесъ въ церковь и подаль священнику. Священникъ выложилъ просфоры на тарелочку, увидаль, что одной недоставало, и сказалъ ему:

— Ты, братъ, одну просфорку, видно, дорогой скушалъ? Но мальчикъ сказалъ:

— Право, я не кушалъ.

Всю свою жизнь потомъ отецъ Антоній съ сокрушеніемъ вспоминалъ объ этой первой своей лжи.

Вскорѣ семья перебралась на жительство въ городъ Угличъ, и среди дѣтскихъ воспоминаній отецъ Антоній вспоминаетъ о Пасхѣ въ Угличѣ.

«Въ этомъ году Святая Пасха была очень рано, то есть марта двадцать четвертаго дня, и было много снѣга и очень холодно; потому изъ зимнихъ теплыхъ церквей въ лѣтнія холодныя церкви не переходили. Мнѣ къ празднику этому сшили новый кафтанчикъ голубого цвѣта; и я въ то время, хотя еще и грамотѣ не зналъ, но на клиросъ становился, и пѣлъ самымъ тоненькимъ дѣтскимъ голоскомъ: «Господи, помилуй». Болѣе же всего любилъ прислуживать причетникамъ, что подать или куда сходить. И, вотъ, на мвроносицкой недѣлѣ начали изъ теплой церкви переноситься въ холодную; и я помогаль переносить книги, свѣчи и кадила. И дали мнѣ нести лампадку съ масломъ; и я отъ поспѣшности за что-то запнулся, упалъ на полъ, и масло все на себя опрокинулъ и залилъ свой голубой кафтанчикъ, и съ грустью пошелъ домой, гдѣ родитель за неосторожность меня побранилъ, и сказалъ: «экой ты глупый пономарь, свѣчи поломалъ, и масло опрокинулъ на себя; вотъ, теперь и ходи въ запачканномъ кафтанѣ». Но родительница меня утѣшила, сказавши, что она залитое вымоетъ и перешьетъ, что вскорѣ и сдѣлала.

«Въ городѣ Угличѣ всѣхъ церквей до пятнадцати. Я въ храмовые праздники хаживалъ къ святой литургіи; ибо очень любилъ торжественное служеніе, пѣніе, освѣщеніе храма многими свѣчами, парчевое облаченіе на священно-служителяхъ. И при каждомъ крестномъ ходѣ, бываемомъ изъ собора въ приходскіе храмовые праздники, а равно въ крестномъ ходѣ и кругомъ города, всегда хаживалъ я, не чувствуя усталости».

Сашѣ было восемь лѣтъ, когда умерла его старшая сестра Анисья. Она съ юности чувствовала явно выраженное духов-

ное настроеніе, стремилась съ сознательныхъ лѣтъ въ монастырь и почти насильно была выдана замужъ. Всего въ замужествѣ она прожила менѣе четырехъ лѣтъ. Мужъ же ея послѣ ея смерти отрекся отъ міра и ушелъ въ Саровскую пустынь.

Черезъ два года совершилось событіе, которое должно было произвести сильное впечатлѣніе на Сашу.

Его старшіе братья, находившіеся въ Москвѣ на службѣ у откупщика, написали отцу письмо. Тамъ они говорили, что отошли отъ хозяевъ за невозможностью жить у нихъ, по ихъ строгости и несправедливости. Они говорили, что у нихъ есть на примѣтѣ хозяинъ, человѣкъ весьма хорошій и благочестивыхъ правилъ. Ему они дали слово поступить къ нему въ услуженіе, но прежде рѣшили проѣхаться въ Кіевъ, для поклоненія угодникамъ.

Въ Москвѣ они сказали родственникамъ, что ѣдутъ къ отцу, но вмѣсто того они очутились въ другомъ мѣстѣ. Уже тайнѣ рѣшили они посвятить себя Господу Богу и жить уединенной монашеской жизнью.

Они направили свой путь въ Саровскую пустынь и были тамъ приняты послушниками.

Поль года не было отъ нихъ никакого извѣстія, такъ что дома сомнѣвались, живы ли они? Наконецъ, они написали отцу длинное письмо, въ которомъ просили у него прощенія въ томъ, что ушли изъ міра, не спрося у него, просили также благословенія на монашескую жизнь. Отецъ далъ имъ прощеніе, но не сразу.

Въ двѣнадцатилѣтнемъ возрастѣ, сопровождая своего отца въ кочевой его жизни, Александръ побывалъ съ нимъ въ Москвѣ и въ Троице-Сергіевой лаврѣ, гдѣ видѣлъ знаменитаго митрополита Платона.

«Куда я ни обращалъ взоръ въ Москвѣ,—разсказывалъ впоследствии въ своихъ воспоминаніяхъ отецъ Антоній,—вездѣ встрѣчалъ новость, въ разныхъ видахъ представляющуюся» И все-то молодого и неопытнаго провинціала заставляло удивляться и многому смѣяться.

Здоровье стараго Путилова умалялось. Чувствуя себя плохо, онъ, однажды, собралъ къ себѣ всѣхъ дѣтей: и началъ говорить имъ свое завѣщаніе, какъ имъ жить. Рѣчь свою повелъ онъ со словъ премудраго Соломона: «Приидите, чада, послушайте мене, страху Господню научу васъ».

Отецъ говорилъ дѣтямъ объ ихъ обязанностяхъ къ Богу, къ обществу, къ родителямъ, къ себѣ самимъ. Уговаривалъ избѣгать пороковъ и зла, любить другъ друга и носить взаимно тяготы другъ друга.

— Если такъ будете поступать,—говорилъ онъ,—то исполните законъ Христовъ. Худою и порочною жизнью возведете на себя въ этой жизни неблагополучіе, а въ будущей—вѣчную муку. Смотрите,—говорилъ онъ,—на примѣръ отца своего, насколько я былъ въ жизни пороченъ. За это правосудный Богъ наказалъ болѣзною, отнялъ у меня свободное движеніе тѣла, произнесеніе словъ и дыханіе.

Послѣ этой рѣчи Путиловъ сталъ благословлять каждого сына отдѣльно, возлагая свои руки на ихъ головы и всѣхъ перекрестилъ иконами святыхъ. Сыну своему Кириллу Ивановичу онъ поручалъ Александра и брата его Василия и велѣлъ во всемъ его слушаться и любить его, какъ отца.

Отъ этой болѣзни отецъ оправился, но чрезъ полгода, на пятьдесятъ седьмомъ году жизни, скончался въ чувствахъ покаянія, приобщенный Святыхъ Тайнъ. Онъ преставился въ самую литургію, когда діаконъ провозглашалъ: «Станемъ добръ, станемъ со страхомъ, вонмемъ святое возношеніе въ мирѣ приносить».

На городскомъ кладбищѣ города Мологи, у церкви Всѣхъ Святыхъ, близко отъ алтаря стоитъ скромный памятникъ надъ Иваномъ Григорьевичемъ Путиловымъ. На этомъ памятникѣ написаны краткія и выразительныя слова о томъ, что воздвигли памятникъ Путилова дѣти: Моисей, архимандритъ Оптиной пустыни, Исаія, игумень Саровской пустыни, и Антоній, игумень Малоярославецкаго монастыря..

«Се азъ и дѣти мои»,—можетъ съ дерзновеніемъ сказать Путиловъ на Страшномъ Судѣ Христовомъ и этими своими дѣтьми оправдаться..

Итакъ, Александръ остался послѣ отца четырнадцати-лѣтнимъ. Но сколь уже тогда было въ немъ глубоко расположеніе къ монашеству,—видно изъ того, что, распорядясь на похоронахъ отца, Александръ утѣшался тѣмъ, что одѣли покойника въ одно черное платье, какъ бы монаха: Еще въ тринадцати-лѣтнемъ возрастѣ Александръ писалъ, какъ-то, братьямъ своимъ въ Саровъ:

«Мнѣ очень показалась (т. е. понравилась) одна изъ посланныхъ вами книгъ, и я одного примѣра (правила) хочу держаться по этой книгѣ, то есть: презирать міръ и идти къ небесному царствію есть высочайшая премудрость; въ безмолвіи и тишинѣ много успѣваетъ душа благоговѣйная, и разумѣтъ тайны Писанія. Итакъ, кто удаляется отъ міра, къ тому приходитъ Богъ со святыми Своими ангелами. Такъ и я хочу, и желаю быть таковымъ, какъ вы теперь находитесь; но не знаю, что дѣлать, а желательно быть таковымъ же, какъ вы».

Послѣ смерти отца въ Мологѣ, Александръ со старшимъ братомъ Кирилломъ переѣхали въ Москву, гдѣ онъ опредѣлился въ должность комиссіонера къ откупщику Карпышеву, у котораго прежде служили его старшіе братья.

Любимымъ времяпрепровожденіемъ Александра въ Москвѣ было посѣщеніе монастырей. Всего на всего три года провель онъ въ Москвѣ, но прекрасно изучилъ за это время московскія святыни и даже помнилъ въ старости, гдѣ какой храмъ или чудотворная икона.

Когда насталь двѣнадцатый годъ, и французы стали подступать къ Москвѣ, хозяинъ Александра выѣхаль изъ Москвы, и оставилъ братьевъ Путиловыхъ караулить домъ. Александру пришлось пережить всѣ ужасы этого времени въ Москвѣ. Непріятельскіе солдаты отняли у него часы, сняли платье и полунагого погнали за собой. Десять дней онъ былъ въ плѣну у французовъ; долженъ былъ переносить съ мѣста на мѣсто тяжелыя ноши изъ награбленныхъ французами по домамъ и по лавкамъ вещей. Хлѣба у плѣнныхъ не было, они питались тухлой рыбой и ѣли ее, зажимая носъ, такъ какъ не было иначе возможности ее проглотить. Жизнь имъ казалась столь тяжела, что и въ аду легче.

Наконецъ, Александръ рѣшился бѣжать. Скрылся ночью изъ Москвы, спрятался подъ какимъ-то мостомъ и набрелъ на партію соотечественниковъ, скрывавшихся, подобно ему, отъ непріятели... Болотами и оврагами, днемъ укрываясь въ лѣсахъ, они пробрались на рязанскую дорогу... И, наконецъ, Александръ явился къ роднымъ своимъ въ Ростовъ въ лаптяхъ, лишившись рѣшительно всего, что нажилъ своими трудами въ Москвѣ.

Занесенный, такимъ образомъ, судьбою въ Ростовъ, Александръ тутъ и оставался. Онъ любилъ храмы и монастыри этого древняго города. Особенно часто ходилъ въ Яковлевскій монастырь, и тутъ помогаль гробовому старцу отцу Амфилохію, мужу высокой подвижнической жизни, поднимать тяжелую крышку отъ раки святителя Димитрія Ростовскаго, вѣсившую нѣсколько пудовъ.

Александръ былъ такъ осмотрителенъ въ своемъ поведеніи, что если встрѣчалъ женщину, то обходилъ другой дорогой, чтобы не сталкиваться съ ней. Несмотря на укеры родныхъ, онъ одѣвался очень просто,—хуже, чѣмъ могъ. Когда по дѣламъ службы онъ объѣзжалъ села и деревни, то, куда ни пріѣдетъ, бывало, сейчасъ принимался вывѣдывать у народа о благочестивыхъ старушкахъ и богомолкахъ, собираль ихъ и бесѣдовалъ съ ними о духовныхъ предметахъ. Много лѣтъ

спустя послѣ того—одна старушка вспоминала поучительныя бесѣды двадцатилѣтняго юноши.

Такъ, мало-по-малу, приготовлялъ себя Александръ къ полному отреченію отъ міра. Сперва онъ выбралъ для старшаго брата Василя благочестивую невѣсту. На свадьбѣ родные стали уговаривать Александра, что пора зажить семейной жизнью и ему. Онъ отвѣчалъ, что и самъ находитъ нужнымъ избрать другой родъ жизни, но прежде съѣздить въ Москву, гдѣ жила тогда ихъ мать.

Онъ купилъ себѣ лошадь, по вечерамъ объѣзжалъ ростовскіе монастыри и, останавливаясь у воротъ ихъ, усердно молился Господу, Богоматери и святымъ угодникамъ, чтобы намѣренія его исполнились.

Пріѣхавши въ Москву, онъ остановился въ отдаленной части города, на Таганкѣ, чтобы не встрѣчаться ни съ кѣмъ изъ родныхъ, а по вечерамъ опять объѣзжалъ храмы и монастыри и у входа ихъ усердно молился.

Изъ Москвы, никѣмъ не замѣченный, онъ пробрался въ Калугу и, отслуживъ тамъ благодарственный молебенъ Богу о благополучномъ избавленіи отъ тенетъ міра, направился въ рославльскіе лѣса, гдѣ уже пятый годъ подвизался его старшій братъ. Одинъ, безъ проводниковъ, въѣхалъ онъ въ густой дремучій лѣсъ. Запутанныхъ лѣсныхъ дорогъ онъ не зналъ и отдался на волю Божию. Послѣ горячей молитвы онъ опустил вожжи, и лошадь сама подвезла его къ пустынной кельѣ его старшаго брата.

ГЛАВА II.

Жизнь рославльскихъ отшельниковъ въ первой четверти этого вѣка представляетъ собою знаменательную и значительную страницу въ исторіи русскаго подвижничества. Имена ихъ: Варнава, Никита, Іаковъ, Василискъ, Зосима, Адрианъ, Аѳанасій и многіе другіе.

Жили эти подвижники въ лѣсахъ рославльскаго помѣщика Демьяна Михайловича Броневскаго, въ сорока верстахъ отъ города Рославля и въ пяти верстахъ отъ сельца Якимовскаго, принадлежавшаго Броневскому.

Съ 1811 года въ эту отшельническую семью вступилъ и старшій братъ Александра Путилова, Тимоѳей, будущій архимандритъ Оптиной пустыни Моисей.

Александръ пріѣхалъ къ брату не для того, чтобы остаться у него, а для того, чтобы посовѣтоваться съ нимъ насчетъ по-

ступленія въ ту Саровскую пустынь, гдѣ и Тимоѳеѣй полагалъ начало иноческой жизни. Но ему такъ понравилось въ лѣсу, что онъ рѣшилъ остаться съ братомъ.

Пятнадцатаго января 1816 года его облекли въ послушническое платье. Весь запятнанный и заплатаанный, короткій подрясникъ плохой крашенины казался ему драгоценнѣе порфиры. Осенью, собравъ овощи съ огорода, оба брата поѣхали въ Кіевъ на богомолье. На возвратномъ пути были ими посѣщены извѣстные духовною жизнью иноковъ и старцами своими Софроніева, Глинская и Площанская пустыни. Ни въ одной изъ этихъ обителей Александру не захотѣлось остаться, и онъ вернулся изъ Кіева на прежнее мѣсто.

Такъ впослѣдствіи вспоминалъ онъ: «пріѣхалъ я къ брату погостить, а прожилъ у него двадцать четыре года».

Несмотря на то, что ему пришлось вынести въ дѣтствѣ много болѣзней, онъ былъ очень крѣпокъ, и принялъ на себя такіе подвиги, которые могутъ показаться невѣроятными. Поднявшись въ полночь, онъ съ братомъ ежедневно читалъ вдвоемъ всю церковную службу по богослужебнымъ книгамъ, ничего не опуская. Любитель церковнаго богослуженія съ дѣтства, онъ хорошо зналъ порядокъ церковной службы, имѣлъ особыя способности къ церковному уставу. Теперь онъ еще усовершенствовалъ свои знанія, и равнаго ему уставщика найти было трудно.

Онъ трудился, переписывая уставы, свято-отеческія книги и помогъ брату составить нѣсколько рукописныхъ сборниковъ, которые содержали въ себѣ въ порядкѣ правила монашеской жизни. Сборники эти показываютъ, какъ внимательно и разумно братья пользовались твореніями святыхъ отцовъ. Оба они до поздней старости любили духовное чтеніе, но читали книги и по разнымъ отраслямъ человѣческаго знанія. Духовныя же книги Александръ, какъ и Тимоѳеѣй, читали всегда по уваженію къ ихъ содержанію—стоя.

Такимъ образомъ, Александръ проводилъ на ногахъ въ сутки около восемнадцати часовъ, и чрезъ нѣсколько лѣтъ отъ этого стоянія нажилъ очень мучительную болѣзнь, не оставлявшую его до смерти. Сверхъ этихъ занятій, Александръ съ усердіемъ несъ и другія послушанія. Онъ исполнялъ обязанность будильника, для чего долженъ былъ вставать раньше другихъ, рубилъ дрова въ лѣсу, и переносилъ ихъ въ келью, занимался и огородомъ, на которомъ, вслѣдствіе плохой почвы, не выращивалось ничего, кромѣ рѣпы.

При самой скудной пищѣ, послѣ долгой молитвы со мно-

гими поклонами, онъ такъ трудился изо дня въ день. Рыба появлялась только въ великіе праздники и даже масло постное полагалось на трапезѣ очень рѣдко... Хлѣбъ казался не доѣдавшимъ инокамъ сладкимъ и вкуснымъ. А когда одинъ крестьянинъ, проѣзжавшій по лѣсу, оставилъ пустынноикамъ мѣшокъ съ горохомъ, они приняли этотъ мѣшокъ съ такой радостью, какъ бы Самъ Богъ подалъ имъ горохъ.

Въ большіе праздники старцы собирались въ келью къ отцу Аванасію, на общее келейное богослуженіе; потомъ вмѣстѣ обѣдали, и иногда подкрѣпляли силы свои чаемъ или какой-нибудь сушеною травкою. Но Александръ, какъ самый молодой, и чая не получалъ. Иногда только позволялось ему допивать жидкій спитой чай, почти одну воду. И эта вода казалась ему слаще, чѣмъ другимъ дорогіе цвѣточные чай.

На Пасху, на Рождество и на другіе великіе праздники изъ ближайшаго села, Луги, отстоявшаго отъ нихъ верстахъ въ семи, приходилъ старый священникъ, чтобы ихъ приобщать.

Въ этой суровой жизни они пользовались ненарушимымъ спокойствіемъ духа. Вокругъ келій ихъ всю зиму выли волки, но къ этому вою они были такъ же привычны, какъ къ вою вѣтра. Случалось, что медвѣди производили опустошенія въ ихъ огородѣ. Но никогда не трогали ихъ самихъ. Собирался посѣтить ихъ рославльскій исправникъ, чтобы чѣмъ-нибудь отъ нихъ поживиться, такъ какъ они считались богатыми московскими купцами, но, цѣлый день проѣздивъ близъ нихъ, исправникъ не могъ найти ихъ келій и отѣхалъ отъ нихъ..

Поступая подъ руководство своего брата, Александръ рѣшился подчиниться ему во всемъ до конца безусловно. Онъ такъ воспоминаетъ объ этомъ своемъ подчиненіи:

«Когда разгорѣлся огонь Божественной любви въ моемъ сердцѣ, тогда всѣ суеты мірскія омерзѣли и богатство опостылѣло, и такъ, какъ птица изъ сѣти, или яко елень, томимый жаждою, удалился я изъ Ростова, бѣгая, и водворился въ непроходимой пустынѣ, съ чаяніемъ себѣ отъ Господа спасенія отъ малодушія и отъ обуреванія многихъ грѣховъ. Себя самого отдалъ я въ полное и безвозвратное распоряженіе батюшкѣ отцу Моисею, о чемъ, благодареніе Господу Богу, послѣ ни разу не скорбѣлъ».

Онъ такъ почиталъ брата, что въ его присутствіи не позволялъ себѣ открывать рта. Однажды при немъ старцы бесѣдовали о чемъ-то, что онъ зналъ, и онъ позволилъ себѣ въ увлеченіи произнести нѣсколько словъ, но сейчасъ же опомнился, укорилъ себя внутренно за свое дерзновеніе, покраснѣлъ

и замолчалъ. Вообще, онъ за эти годы пріобрѣлъ великую для монаха способность молчанія.

Даже, когда онъ вышелъ изъ лѣсовъ и жилъ съ братомъ въ Оптиной пустыни, онъ никогда не разговаривалъ со странниками, приходившими въ монастырь; а когда его кто-нибудь спрашивалъ о чьей-нибудь кельѣ, то онъ указывалъ пальцемъ, не раскрывая рта. Но эта аскетическая сдержанность не уменьшала любви его къ людямъ.

«Живя въ рославльскихъ лѣсахъ, бывало, встрѣтишь челоуѣка,—разсказывалъ впослѣдствіи о себѣ отецъ Антоній,—какъ ангелу Божию ему обрадуешься; а нынѣ, какъ ни хорошо мнѣ, а того уже нѣтъ. Уже нѣтъ».

Отецъ Моисей обходился съ братомъ строго. Проспять, бывало, Александръ и не во время разбудить другихъ къ полунощницѣ. Тогда о. Моисей Александра ставилъ на поклоны. И онъ такъ къ этому привыкъ, что,—какъ самъ впослѣдствіи разсказывалъ,—ему приходилось скучать, если подолгу онъ не слышалъ привычнаго возгласа:

— Ну, братецъ, становись на поклоны!

Больше всего начало его смиренію положила обязанность по нѣскольку разъ въ годъ очищать отхожія мѣста. Кромѣ того, для удобренія огородовъ, его часто посылали собирать по проѣзжимъ дорогамъ конскій и скотскій пометъ. Сперва это занятіе казалось ему крайне унижительнымъ. Какъ-то разъ, онъ сталъ говорить себѣ: «сверстники мои теперь считаютъ капиталы, а я, вотъ, чѣмъ долженъ заниматься».—Но тутъ же онъ опомнился и укорилъ себя за эти мысли.

— Безъ смиренія,—говаривалъ онъ впослѣдствіи, — спастись нельзя, а смиренію нельзя научиться отъ однихъ словъ: надо, чтобы кто-нибудь трепалъ насъ и мялъ.

А всѣ эти лишенія были тѣмъ труднѣе, что съ молодости Путиловы привыкли къ сытой жизни. Объ этомъ отецъ Антоній вспоминалъ такъ:

«Бывало еще спишь, мать уже зоветъ: «вставай, уже завтракъ готовъ», и поидетъ, одно за другимъ, разныя удовольствія. А тутъ приходилось питаться одними огородными овощами, или, лучше сказать, одною рѣпюю, потому что другого ничего и не росло. Рѣдко когда кто изъ помѣщиковъ пришлетъ хлѣба, то его уже берегли какъ просфору, чтобы и крошка не пропала».

Однажды имъ пришлось встрѣтить Пасху такъ скудно, что у нихъ ничего не было, но они не упали духомъ. Отпѣли утреню; съ иконами, какія у нихъ были, обошли крестнымъ ходомъ вокругъ кельи, воспѣвая радостное «Христось вос-

кресе», и утѣшаясь и радуясь о Господѣ душою. Когда же пришелъ часъ трапезы, то о. Моисей въ похлебку изъ той же рѣпы влилъ нѣсколько маслица изъ лампы, и благословилъ разговляться. Но этимъ Господь хотѣлъ испытать ихъ терпѣніе, потому что на другой же день отъ сосѣдняго помѣщика была прислана имъ провизія.

Въ этой суровой жизни бывали у молодого отшельника невыразимо высокія, благодатныя утѣшенія.

Однажды, въ темнотѣ осенней ночи, отецъ Моисей будить брата и говорить ему:

— Встань-ка, братъ; надо посмотрѣть, нѣтъ ли рыбки въ неретахъ. А рѣка была не близко. Съ словомъ: «благослови, батюшка»—смиренный послушникъ встаетъ и отирается въ глухой дремучій лѣсъ. Осенняя дождливая полночь, шумъ деревьевъ, крикъ совъ—все это сначала наводило на него страхъ и смущало его. Но послушаніе превозмогло. Ободрившись, онъ понудилъ себя идти впередъ, уповая, что молитвами старца будетъ огражденъ отъ всего непріязннаго. Съ молитвою на устахъ онъ пошелъ почти ошупью или по памяти, дошелъ до назначеннаго мѣста; въ неретахъ, конечно, ничего не нашель, и пошелъ обратно въ келью. Но уже вмѣсто страха онъ чувствовалъ въ сердцѣ великую отраду,—и, вдругъ, стало предъ нимъ свѣтлѣть все болѣе и болѣе. Темная ночь обратилась какъ бы въ ясный день. Потомъ, чрезъ нѣсколько времени, опять потемнѣло. Но сердце Александра исполнилось такой неизъяснимой радости, какую рѣдко и рѣдкій человѣкъ испытываетъ на землѣ. Въ духовномъ восторгѣ возвратился онъ къ старцу, и повѣдалъ ему о видѣнномъ, и всю ночь не могъ заснуть: ему казалось, что онъ въ раю,—такъ радовалась его душа.

Въ другой разъ на святую Пасху, когда пролѣли свѣтлую утреню и часы, послали его одного прогуляться въ лѣсу,—и онъ въ лѣсномъ безмолвіи, въ этотъ знаменательный день ощущалъ такое сладостное утѣшеніе и духовный восторгъ, что какъ будто былъ не на землѣ, а на небѣ.

Однако, отъ этой суровой жизни нѣсколько разъ его тянуло бѣжать. Разъ онъ даже надѣлъ на себя котомку и отошелъ недалеко отъ кельи, но вернулся снова. Его твердо удерживали слова Христовы:

«Никтоже возложь руку свою на рало, и зряй вспять, управленъ будетъ въ царствіе небесное».

Въ 1819 году на рукахъ Александра скончался оптинскій монахъ, о. Феофанъ, часто посѣщавшій отшельниковъ. Онъ былъ такій подвижникъ, что однажды провелъ цѣлый Великій постъ, не принимая пищи и неся еще и другіе подвиги.

У старца этого при жизни лицо такъ ярко сіяло благодатью, что недоставало духа смотрѣть ему прямо въ глаза, а смотрѣли на него, обыкновенно, украдкой со стороны.

Съ этой кончиной было соединено для Александра знаменательное откровеніе. Предъ смертью о. Феофана Александръ явился просить помолиться за него, и въ сороковой день по смерти онъ видитъ его во снѣ и ему говорить:

— Батюшка, я хотѣлъ было попросить васъ помолиться обо мнѣ, когда будете предъ престоломъ Божиимъ, да не просилъ.

— Я и такъ за тебя молюсь Богу,—отвѣчалъ о. Феофанъ.— Василий Великій говорить: «кто за другихъ молится, тотъ за себя молится».

Двадцати пяти лѣтъ, на праздникъ Срѣтенія Господня, второго февраля 1820 года, Александръ постриженъ съ именемъ Антонія. Постриженіе совершилъ старецъ іеросхимонахъ Аѳанасій; воспріемникомъ его отъ Евангелія былъ о. Моисей. Люди, искренно принимающіе монашество, чувствуютъ нѣкоторое время въ сердцѣ какое-то особое дѣйствіе благодати. Впослѣдствіи духовныя дѣти о. Антонія спрашивали его—долго ли въ немъ продолжалось это благодатное ощущеніе? Онъ открылъ имъ, что это продолжалось годъ.

Вообще, о. Антоній всю жизнь вспоминалъ объ этомъ времени своей жизни съ величайшимъ сочувствіемъ и, при этихъ воспоминаніяхъ, лицо его какъ-то особенно сіяло, и онъ весь воодушевлялся.

Послѣ пятилѣтней жизни въ лѣсу, въ судьбѣ о. Антонія наступила переменѣна.

Въ то время Калужскимъ архіереемъ былъ епископъ Филаретъ, впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій. Это была съ дѣтства избранная отъ Бога душа, истинный аскетъ, покровитель монашества.

Съ особой любовью посѣщая монастыри своей епархіи, онъ полюбилъ Оптину пустынь, которая была возстановлена въ концѣ восемнадцатаго вѣка попеченіемъ митрополита Московскаго Платона. Онъ любовался мѣстоположеніемъ ея, прильнувшей—съ одной стороны—къ дремучему лѣсному бору и отдѣленной—съ другой стороны—отъ міра многоводной рѣкой, Жиздрой. Лѣса, окружающіе Оптину, представляютъ особое удобство для пустыннаго житія.

Въ епископѣ Филаретѣ сложилась мечта основать при Оптиной пустыни скитъ, въ которомъ могли бы подвижничать люди, нуждающіеся въ особомъ уединеніи. И этотъ скитъ духовно навсегда укрѣпилъ обитель.

Чутко прислушиваясь къ разсказамъ о разныхъ подвижникахъ, епископъ Филаретъ обратилъ свое вниманіе на рославльскихъ отшельниковъ и задумалъ поручить дѣло устройства скита имъ. Въ концѣ 1820 года о. Моисей случайно заѣхалъ въ Оптину, и здѣсь былъ представленъ епископу Филарету. Преосвященный долго бесѣдовалъ съ нимъ и сдѣлалъ ему предложеніе поселиться съ его сподвижниками въ Оптиномъ бору, чтобы основать и устроить въ немъ скитъ.

О. Моисею нравилась эта мысль и съ полномочіями отъ епископа Филарета къ старцу Аѳанасію онъ вернулся въ свой лѣсъ. Старецъ рѣшилъ принять предложеніе, — тѣмъ болѣе, что безмолвіе ихъ стало нарушаться притѣсненіемъ окружнаго начальства.

Шестого іюня 1821 года о. Антоній съ о. Моисеемъ уѣхали изъ рославльскихъ лѣсовъ въ Оптину пустынь. Мѣсто для скита было выбрано въ ста семидесяти сажняхъ отъ обители, въ густомъ лѣсу.

Прежде всего, было очищено для скита мѣсто изъ-подъ огромныхъ сосенъ. Изъ этихъ сосенъ устроили небольшую келью, въ которой и поселились пять отшельниковъ. Затѣмъ была сооружена церковь во имя перваго пустынножителя христіанства—Іоанна Предтечи Господня. Потомъ стали воздвигать и другіе корпуса. Первымъ скитоначальникомъ былъ назначенъ о. Моисей.

Много пришлось тѣлесно потрудиться о. Антонію. Наравнѣ съ наемными рабочими, онъ подпиливалъ и подрубалъ вѣсковыя сосны, выкорчевывалъ ихъ огромные пни.

Въ 1823 году о. Антоній былъ посвященъ въ іеродіаконы; въ 1825—въ іеромонахи. Въ 1827 году онъ былъ назначенъ скитоначальникомъ и провелъ въ этой должности четырнадцать лѣтъ. А о. Моисей, бывший раньше о. Антонія скитоначальникомъ, сталъ настоятелемъ Оптиной пустыни.

Слава о мудромъ и крѣпкомъ настоятелѣ привлекла въ Оптинской скитъ многихъ мудрыхъ старцевъ подвижниковъ. Въ 1829 году изъ Александро-Свирскаго монастыря перебрался сюда знаменитый старецъ о. Леонидъ съ пятью учениками. А чрезъ пять лѣтъ послѣ него—Площанской пустыни духовникъ о. Макарій. Эти люди завели въ Оптиной пустыни столь спасительное для иноковъ учрежденіе — путь старческаго окормленія, и от. Антоній не только сочувствовалъ старчеству, но и самъ подавалъ примѣръ глубочайшей преданности и повиновенія старцамъ.

Эти стаи истинныхъ подвижниковъ, слетѣвшихся въ скитъ Оптиной пустыни изъ разныхъ мѣстъ Россіи, представляли со-

бою чудное зрѣлище. Эти двѣнадцать старцевъ, сѣвшихъ непорочной сѣдиной, высоко опытныхъ въ духовной жизни, собравшихся изъ разныхъ мѣстностей и разнаго званія, съ разными дарованіями и качествами, объединялись однимъ общимъ стремленіемъ къ высшей духовной жизни.

Вотъ, какъ вспоминаетъ объ этомъ благодатномъ времени Оптинскаго скита одно лицо, помнившее это время.

«Величественный порядокъ и отраженіе какой-то неземной красоты во всей скитской обители часто привлекали дѣтское мое сердце къ духовному наслажденію, о которомъ вспоминаю и теперь съ благоговѣніемъ, и считаю это время лучшимъ временемъ моей жизни. Простота и смиреніе въ братіяхъ, вездѣ строгій порядокъ и чистота, изобиліе самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ и благоуханіе ихъ, и вообще—какое-то чувство присутствія благодати невольно заставляло забывать все, что есть внѣ обители этой. Въ церкви скитской мнѣ случалось бывать преимущественно во время обѣдни. Здѣсь уже при самомъ вступленіи, бывало, чувствуешь себя внѣ міра и превратностей его. Съ какимъ умиленнымъ благоговѣніемъ совершалось священнослуженіе! И это благоговѣніе отражалось на всѣхъ предстоящихъ до такой степени, что слышался каждый шелестъ, каждое движеніе въ церкви. Клиросное пѣніе, въ которомъ часто участвовалъ самъ начальникъ скита, отецъ Антоній, было тихое, стройное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, величественное и правильное, подобнаго которому послѣ того я нигдѣ уже не слышалъ, за всѣмъ тѣмъ, что мнѣ очень часто приходилось слышать самыхъ образованнѣйшихъ пѣвчихъ въ столицахъ и извѣстнѣйшихъ пѣвцовъ Европы. Въ пѣніи скитскомъ слышались кротость, смиреніе, страхъ Божій и благоговѣніе молитвенное,— между тѣмъ какъ въ мірскомъ пѣніи часто отражается міръ и его страсти,—а это уже такъ обыкновенно. Что же сказать о тѣхъ вождѣннѣйшихъ дняхъ, когда священодѣйствіе совершалось самимъ начальникомъ скита, о. Антоніемъ? Въ каждомъ его движеніи, въ каждомъ словѣ и возгласѣ видны были дѣвственность, кротость, благоговѣніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, святое чувство величія. Подобнаго священнослуженія послѣ того я нигдѣ не встрѣчалъ, хотя бывалъ въ очень многихъ обителяхъ и церквахъ».

Вслѣдствіе малочисленности братіи, начальству приходилось самому исполнять много братскихъ послушаній.

«Какъ самый бѣдный бобыль, — писалъ о. Антоній въ 1832 году одному родственнику,— живу въ келіи одинъ: самъ и по воду, самъ и по дрова... Чиномъ священства почтенныхъ теперь у насъ въ скиту собралось пять челоуѣкъ; но всѣ они пре-

старѣли и многонеможны, почему и тяготу служенія за всѣхъ несу одинъ».

Какъ только была построена скитская церковь, въ ней заведено было непрерываемое чтеніе Псалтири, и о. Антоній отбывалъ, обыкновенно, по двѣ очереди самыя трудныя: днемъ, во время отдыха братіи, и ночью—отъ десяти до полуночи. Вообще, онъ въ сутки проводилъ на ногахъ до восемнадцати часовъ. Въ то время въ Оптиный скитъ допускали женщинъ для служенія молебновъ, и о. Антоній совершалъ ихъ съ особымъ усердіемъ. Бывало, кто-нибудь скажетъ: «молебенъ Іоанну Предтечѣ», а онъ присоединитъ отъ себя и молебенъ Божіей Матери съ акаѳистомъ.

Помѣщался онъ въ тѣсной кельѣ при церкви, гдѣ потомъ сталъ жить пономарь. Пища была самая скудная, но голодъ отъ большихъ трудовъ слабывалъ ее.

Вдоль каждой стороны скитской ограды идетъ дорожка, а во всякой сторонѣ ограды длины по семьдесятъ пять сажень. Часто, по окончаніи утреннихъ правилъ, о. Антоній желѣзной лопатой и граблями чистилъ дорожки—всѣ четыре стороны разомъ, и послѣ такой работы блюдо простыхъ постныхъ щей казалось лакомствомъ. Случалось, что и въ праздники довольствовались чернымъ хлѣбомъ, а бѣлый бывалъ только, если кто-нибудь изъ козельскихъ гражданъ присылалъ пшеничныхъ булокъ.

Всѣ добровольные труды и подвиги о. Антонія, никогда не пользовавшагося крѣпкимъ здоровьемъ, довели его до неисцѣлимой болѣзни. Сперва отъ продолжительнаго стоянія на молитвѣ у него заболѣли ноги. Послѣ облегченія этой болѣзни онъ сталъ страдать головокруженіемъ. Временами, къ глазамъ приступала темная вода, такъ что онъ лишался зрѣнія—страданіе для него, при его чрезвычайной любви къ чтенію, особенно тяжкое. Когда зрѣніе возстановилось, началась снова болѣзнь въ ногахъ, сопровождавшаяся водяной. Съ Пасхи 1836 г. открылась новая болѣзнь.

Въ пасхальную ночь, спѣша изъ скита въ монастырь къ заутрени, о. Антоній ушибъ себѣ правую ногу о дубовый пенекъ. И отъ этого ушиба открылась рожа на ногѣ, которая была неопытными лѣкарями растравлена разными примочками. Образовалось воспаление, обратившееся въ скорбутъ. Болѣе полгода больной не могъ выходить изъ кельи, и затѣмъ страдалъ этою болѣзнию около тридцати лѣтъ, до смерти. Сила терпѣнія его была совершенно необычайна. Самъ онъ смотрѣлъ на свою неисцѣлимую болѣзнь такъ:

— Извѣстно мнѣ отъ ученія святыхъ отецъ, что всякое

искушеніе и болѣзнь, яко врачевство, отъ Бога попускается намъ для исцѣленія немоществующей души нашей; ибо чрезъ злостраданіе тѣлесное даруетъ Господь и прежде бывшихъ и настоящихъ грѣховъ оставленіе, и отъ будущихъ золъ возбраненіе. А посему Господа Бога, яко богатаго въ милости къ намъ, и всѣмъ полезная устрояющаго, одолжены мы отъ всея души благодарить, что удостоилъ насъ въ числѣ хворыхъ быть, а не роптать...

Съ конца 1839 года на болѣзненнаго о. Антонія, которому было тогда сорокъ четыре года, было наложено новое тяжкое бремя—настоятельство въ Малоярославецкомъ Николаевскомъ Черноостровскомъ монастырѣ. Это назначеніе было, можетъ быть, самымъ тяжкимъ крестомъ въ жизни о. Антонія: онъ такъ сжился душой со своимъ братомъ, настоятелемъ Оптиной, о. Моисеемъ, съ которымъ дѣлилъ труды отшельничества въ рославльскихъ лѣсахъ; онъ чувствовалъ такую близость къ Оптину скиту, котораго онъ былъ начальникомъ, и въ основаніи котораго участвовалъ, что, разставаясь со скитомъ, онъ переживалъ такое чувство, какъ бы изъ его сердца вырвали громадный кусокъ живого мяса.

Послѣ пяти лѣтъ лѣсной глуши и восемнадцати лѣтъ скитской жизни и Малоярославецъ показался о. Антонію, по его словамъ — «великою, шумною столицею». Обитель составила изъ присоединенія двѣнадцати вакансій упраздненнаго штатнаго монастыря къ бывшему общежительному на семь человѣкъ братіи.

По болѣзни ногъ о. Антоній не всегда могъ выходить изъ кельи и обзрѣть все, что считалъ необходимымъ. Предшественникъ его много потрудился по внѣшнему возстановленію и обновленію обители. Теперь же надо было водворить и утвердить внутреннее устройство по духу вѣры и благочестія. Къ счастью для о. Антонія, онъ имѣлъ духовное ободреніе. Когда, въ первые дни настоятельства, онъ сильно унылъ, то въ тонкомъ снѣ увидѣлъ святыхъ отцовъ. Одинъ изъ нихъ, архіерейскаго сана, благословляя его, сказалъ: «вѣдь, ты былъ въ раю, знаешь его, а теперь молись, трудись и не лѣнись». Онъ проснулся успокоенный.

Оптинскій старецъ о. Леонидъ объяснилъ ему, что видѣнный имъ угодникъ былъ святитель Митрофанъ Воронежскій, который—вообще—оказалъ ему много благодѣяній. По совѣту старца о. Антоній рѣшилъ въ сердцѣ своемъ съѣздить на богомолье въ Воронежъ, на поклоненіе мощамъ угодника, что впоследствии и исполнилъ.

Въ 1843 году, въ день Бородинской битвы, двадцать ше-
Русскіе праведники.

того августа, происходило торжественное освященіе строившагося пятнадцать лѣтъ монастырскаго собора. Но о. Антонію не пришлось участвовать въ этомъ торжествѣ, такъ какъ онъ тяжело заболѣлъ.

Въ первые же годы его настоятельства Малоярославецкую обитель посѣтилъ покровитель русскаго иночества и самъ инокъ высокой жизни, митрополитъ кievскій Филаретъ. Онъ помнилъ еще о. Антонія, когда тотъ жилъ въ рославльскихъ лѣсахъ. Съ сердечной простотой о. Антоній жаловался митрополиту на свою неспособность въ управленіи обителью и скудоуміе свое. Митрополитъ, зная смиреніе старца, съ улыбкой ему отвѣтилъ:

— Что дѣлать! Хотя ты не умень, да игумень!

Объ игуменствѣ своемъ онъ воздыхалъ неустанно и писалъ одной скорбящей монахинѣ: «Живу въ свѣтлыхъ, теплыхъ и пространныхъ келіяхъ. Но, кажется, перешелъ бы въ темное нѣкое и сырое подполье, лишь бы получить свободу отъ мучительныхъ игуменскихъ веригъ».

Въ то время было рѣшено устроить у найденныхъ пещеръ древнихъ подвижниковъ, въ чудной мѣстности Харьковской губерніи, надъ Донцомъ—обитель, которая извѣстна теперь по всей Россіи подъ именемъ «Святыхъ Горъ». Одно время имѣлось въ виду пригласить въ настоятели о. Антонія. Это предположеніе испугало о. Антонія, и онъ рѣшилъ проситься у калужскаго архіерея на покой. Брату своему, о. Моисею, онъ писалъ, что хочетъ посвятить остатокъ дней своихъ приготовленію къ смерти: «прожилъ я вѣкъ свой хотя по-скотски, но умереть по-скотски, то есть безъ размышленія о смерти и безъ приготовленія ко исходу, устрашаетъ иногда меня». Но архіерей отказалъ ему наотрѣзъ въ отставку. Тогда о. Антоній рѣшился сказать архіерею:

— Если постигнетъ меня смерть, то святительское ваше сердце будетъ одержимо печалью о томъ, что, имѣвши волю и возможность уволить меня отъ этой должности, не оказали сей милости.

— Пусть этотъ грѣхъ останется на моей душѣ,—отвѣчалъ ему архіерей.

Всѣ письма къ брату о. Антонія за это время полны великой горести. Въ 1844 году о. Антоній снова просился на покой. Когда стали устраивать, недалеко отъ Троице-Сергіевой лавры, Геосиманскій скитъ, о. Антоній получилъ приглашеніе перейти туда, и одно время онъ склонялся къ этой мысли, но о. Моисей написалъ брату упрекъ:

«Не я поставилъ тебя на степень, занимаемую теперь то-

бою: Господь поставилъ тебя полномочною властію архіерейскою, и ввѣрилъ тебѣ святую обитель, и подтвердилъ тебѣ быть на дѣлѣ Божіемъ до смерти. Рѣшительно тебѣ говорю, возлюбленный, и именемъ Самого Господа Іисуса подтверждаю: умолкни отселѣ отзывами ропотливѣми на должность».

Отвѣчая брату, о. Антоній писалъ:

«Вы приговоръ сдѣлали мнѣ страдать безъ конца. Что дѣлать! Хотя это опредѣленіе горько моему сердцу, но долженъ страдать и мучиться. Да будетъ со мною воля Божія и ваша!»

Но вся внутренняя борьба о. Антонія не отражалась во внѣшнемъ его спокойствіи. Бесѣды его съ посѣтителями были всегда оживленными. Всею душой онъ входилъ въ положеніе открывавшихся ему лицъ. Его внутреннія душевныя волненія знали немногіе.

Въ 1849 году, въ февралѣ, въ Малоярославцѣ произошла сильная буря: шпиль, упавшій съ монастырской колокольни на церковь, проломилъ желѣзную крышу и стропила, и раздробилъ каменные своды. Буря эта принесла убытки обители на пять тысячъ рублей. Надо было ѣхать по сбору въ Москву, какъ того требовалъ преосвященный. О. Антонію это было тѣмъ тяжелѣе, что онъ былъ плохой сборщикъ. Онъ не только не умѣлъ выпрашивать что-нибудь, но иногда даже отказывался отъ того, что ему предлагали. Если ему казалось, что человекъ по усердію даетъ больше, чѣмъ можетъ, онъ убѣждалъ часть пожертвованнаго принять обратно.

Когда въ обители совершилось торжество освященія устроеннаго отцомъ Антоніемъ Преображенскаго придѣльнаго храма, во время праздничной трапезы о. игумень рядомъ съ собою посадилъ извѣстнаго юродиваго малоярославецкаго Емелю, и потомъ говорилъ самъ: «два дурака рядомъ сидѣли».

Преосвященный Николай думалъ представить въ Синодъ о возведеніи о. Антонія въ санъ архимандрита, но о. Антоній просилъ его не дѣлать этого и сказалъ:

— Вотъ, если бы архимандритство защищало отъ тлѣнія или отъ смерти, или суда, тогда стоило бы желать онаго.

Въ крестѣ настоятельства главнымъ утѣшеніемъ для о. Антонія было постоянное участіе о. Моисея. Изъ Оптиной пустыни не разъ посылались, въ видѣ послушанія, нужные люди въ Малоярославецкую обитель. Братья постоянно переписывались и, кромѣ того, о. Моисей ежегодно навѣщаль о. Антонія въ Малоярославцѣ. Это были самые счастливые дни для о. Антонія.

Еще два раза ѣздилъ о. Антоній въ Москву, для сбора пожертвованій на окончаніе монастырскихъ построекъ, и видѣлся здѣсь со своими родными братьями—міряниномъ Ва-

сиіемъ, съ которымъ не видался двадцать одинъ годъ, и съ саровскимъ игуменомъ — Исаіею, съ которымъ не видался тридцать три года. Въ Москвѣ о. Антоній пользовался вниманіемъ великаго митрополита Филарета, который часто приглашалъ его служить съ собою, подолго бесѣдовалъ съ нимъ. И, именно, чрезъ предстательство митрополита Филарета состоялось, наконецъ, столь вождельнное для о. Антонія увольненіе его отъ должности, въ 1853 году.

О. Антоній пріѣхалъ въ Оптину двѣнадцатаго февраля 1853 года, съ гривенникомъ въ карманѣ. Оптинцы, во главѣ съ о. Моисеемъ, радушно встрѣтили своего стараго оптинца. Онъ писалъ:

«Батюшка пожаловалъ мнѣ близъ себя келейку теплую, изъ которой, кромѣ неба, некуда болѣе и смотрѣть, куда я и взираю».

О. Антоній могъ теперь предаться своей любимой сознательной, молитвенной жизни. Онъ ходилъ ко всѣмъ службамъ, выстаивая ихъ съ начала до конца. Ежедневно ходилъ и въ братскую трапезу и говорилъ:

«Каждый трапезный простой кусокъ кажется мнѣ сахаромъ. А въ кельѣ своей ничего не держу, кромѣ водицы святой, такъ что не только людямъ, но и бѣднымъ мышамъ полакомиться около меня нечѣмъ, и никто не жалуется ко мнѣ, я живу совершенно, какъ въ пустынѣ. Даруй, Боже, чтобы и впредь было такъ. Одно только тревожить душу, что весьма больныя ноги мои не соотвѣтствуютъ желанію моему—быть всегда въ трудѣ».

Но та безмятежная радость, въ которой могъ бы жить въ Оптиной пустыни о. Антоній, была нарушена тяжкими страданіями ногъ. Болѣзнь ногъ его обострилась до такой степени, что однажды, во время всенощной, изъ ногъ вытекло такъ много матеріи, что новые кожаные сапоги промокли насквозь, точно о. Антоній по колѣно стоялъ въ водѣ... Раны тогда закрылись, но общее состояніе ухудшилось, такъ какъ худосочіе, для котораго раны служили естественнымъ выходомъ, бросилось внутрь. О. Антонія нашли разъ лежащимъ безъ памяти, на полу, въ крови. Это былъ обморокъ отъ откровшихся ранъ.

Эту болѣзнь старцу было суждено терпѣть до конца. Ежедневно въ ногахъ испытывалась невыразимая боль, точно ихъ одновременно рѣзали ножами, жгли огнемъ, драли жесткими щетками и кололи. Всякому даже смотрѣть на ноги было страданіемъ. Онѣ были тверды, какъ дерево, и болѣе походили на круглыя бревна въ діаметрѣ до пяти вершковъ. Изъ ранъ, глубиной до кости, сочилась всегда кровавая сукровица. Одинъ

докторъ, перевязывавшіи ноги о. Антонія, видѣлъ въ ранахъ червей. Иногда нѣкоторыя пособія приносили временное облегченіе. Старець могъ прикасаться при перевязкѣ къ ногамъ. Обыкновенно же — и легкое прикосновеніе приносило невыразимое раздраженіе.

То благодушіе, съ которымъ онъ переносилъ эту постоянную пытку, видно изъ слѣдующаго случая. Извѣстный писатель, помѣщикъ Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій, посѣщавшій часто Оптину и въ ней впоследствии схороненный, сказалъ ему:

— Вотъ, батюшка, на васъ сбывается слово Писанія, что «многи скорби праведнымъ»

— То-то и есть, — возразилъ старецъ, — что праведнымъ скорби, а у меня-то все раны по слову отца Давида: «многи раны грѣшному».

Въ такомъ же расположеніи духа онъ писалъ одному своему духовному сыну:

«Позавидоваль я вамъ о томъ, сколь крѣпко любить васъ Господь. Ибо за каждый толчекъ, за каждый болѣзненный вздохъ сколь много готовить вамъ наградъ и неотъемлемыхъ утѣшеній. А я, бѣдный калѣка, не много имѣю ранъ, да и тѣ подчасъ бывають невыносимы; а посему горе моему окаянству, — останусь я съ полыми руками».

Но всего удивительнѣе въ терпѣніи старца было то, что въ этихъ страданіяхъ онъ былъ свѣтелъ лицомъ, веселъ и оживленъ въ бесѣдѣ. И люди, не знавшіе его, не могли догадаться, что предъ ними великій страдалецъ, и по его наружной полнотѣ предполагали, что онъ здоровъ.

Одинъ посѣтитель Оптиной выразился про о. Антонія, что онъ человекъ «здоровенный». А другой сказалъ ему въ глаза:

— Такихъ святыхъ, какъ вы, полъ Москвы!

Какъ бы тяжело старцу ни было, — онъ спѣшилъ выходить навстрѣчу гостямъ, принимая ихъ съ радушнымъ, веселымъ видомъ; выслушивалъ то, что ни имъ, ни ему не было нужно и отпуская всѣхъ привѣтливо.

«Трогательно было видѣть, какъ болѣзненный старецъ, съ трудомъ переступая съ ноги на ногу, и опираясь на палку, при первомъ ударѣ колокола направлялся въ церковь, пребывалъ на службѣ до конца, то стоя, пока могъ, а въ случаѣ изнеможенія и сидя, и потомъ опять съ великимъ трудомъ и болѣзненными стenanіями возвращался въ свою келью».

Когда въ ногахъ дѣлался воспалительный процессъ, и старецъ не могъ уже двигаться, то онъ замѣнялъ церковную службу длиннымъ келейнымъ молитвословіемъ. Когда братія шла къ заутрени, всегда было замѣтно въ кельѣ о. Антонія

сильное освѣщеніе. Какъ бы боленъ онъ ни былъ,—онъ исполнялъ одновременно съ братіей у себя молитвенныя правила.

Сокровенные его келейные подвиги остались извѣстны одному Богу, но по дарамъ, которые онъ прибрѣлъ, можно заключить, что они были велики. Онъ оставилъ о молитвѣ замѣчательный, краткій совѣтъ: «На молитву должно вставать поспѣшно, какъ на пожаръ». Это значитъ, что когда молитва разгорится въ сердцѣ, нужно бросать всѣ остальные занятія и ловить этотъ молитвенный жаръ, пока онъ не охладѣлъ. Тотъ же совѣтъ далъ и великій знатокъ духовной жизни, создатель епископъ Теофанъ.

Всѣ, кто видѣли о. игумена Антонія совершающимъ богослуженіе, помнятъ необыкновенное выраженіе лица его, особенно во время божественной литургіи, когда онъ выходилъ съ потиромъ. Это было лицо человѣка, преисполненнаго благодати. Случалось, что отъ одного взгляда на него въ это время у нѣкоторыхъ происходилъ въ душѣ нравственный переворотъ. Были основательныя причины утверждать, что о. Антоній имѣлъ великое дерзновеніе въ молитвѣ Богу, и сподоблялся духовныхъ видѣній и другихъ благодатныхъ посѣщеній Божіихъ.

Послушникъ Оптиной пустыни П..., духовный сынъ о. игумена Антонія, рассказываетъ: «восьмого ноября 1862 года, на память св. архистратига Михаила передъ самою утренею слышалъ я во снѣ неизвѣстно чей голосъ, говорившій мнѣ: «старецъ твой о. Антоній человѣкъ святой жизни и великій старецъ Божій». Вслѣдъ за тѣмъ раздался звонокъ будильника, и потому всѣ слова таинственнаго голоса ясно запечатлѣлись въ моей памяти. Размышляя о слышанномъ, пошелъ я къ утреди. Не доходя до корпуса, гдѣ жилъ старецъ и мимо котораго надобно мнѣ было идти, вижу: надъ молитвенною его кельею, неизвѣстно откуда, явилось свѣтлое бѣлое огненное облако, длиною около сажени, шириною аршина въ два. Тихо и медленно поднималось оно отъ самой крыши, шло кверху и скрылось въ небесномъ пространствѣ воздуха. Явленіе это меня поразило; и потому, пришедши отъ утреди, я пожелалъ записать о семъ себѣ для памяти. Объявить же о семъ видѣніи старцу не осмѣлился, а счелъ оно за вразумленіе мнѣ недостойному имѣть вѣру, преданность и послушаніе къ своему старцу, и за явное свидѣтельство его чистой, пламенной и бо-гопріятной молитвы».

О. Антоній имѣлъ такое пламенное усердіе и благоговѣйную любовь къ Матери Божіей, что,—особенно въ послѣдніе годы своей жизни,—когда начиналъ рассказывать что-либо изъ житія Ея,—при одномъ имени преблагословенной Дѣвы

Маріи голосъ его измѣнялся отъ обильныхъ слезъ, и онъ не могъ окончить разсказа.

Но отъ всѣхъ о. Антоній тщательно скрывалъ тайны своей духовной жизни. Если кто-нибудь предлагалъ ему вопросъ объ этихъ тайнахъ, онъ отвѣчалъ, что и не понимаетъ ничего такого. Онъ старался направлять людей къ дѣятельнымъ добродѣтелямъ.

Вслѣдъ за молитвою, которой онъ былъ столь усерднымъ дѣятелемъ, о. Антоній безгранично любилъ чтеніе. Онъ постоянно читалъ Священное Писаніе, святоотеческія творенія и другія духовныя книги, но не обходилъ также и книгъ ученаго содержанія, особенно историческихъ. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ прирожденныхъ любителей книгъ, какіе иногда встрѣчаются и въ міру. Онъ слѣдилъ за объявленіями книгопродавцевъ, выписывалъ заглавія у сочиненій, его интересовавшихъ, и при случаѣ—приобрѣталъ ихъ. Его духовныя дѣти знали, что его ничѣмъ нельзя больше утѣшить, какъ подарить ему хорошую книгу.

Если, изрѣдка, онъ бралъ отъ кого деньги въ подарокъ, то сейчасъ употреблялъ ихъ на приобретеніе книгъ. Ему случалось, иногда, отыскивать желательную ему книгу по двадцати лѣтъ. При такой любви къ книгамъ, у него составила обширная бібліотека, и при жизни своей онъ сдалъ въ оптинскую бібліотеку, помѣщающуюся въ скиту, до двухъ тысячъ томовъ, предварительно озаботившись, чтобы всѣ книги были переплетены. Изъ этой бібліотеки не было ни одной книги, имъ не прочитанной.

Онъ читалъ не только много: онъ читалъ внимательно. Съ молодости онъ любилъ дѣлать изъ книгъ выписки, а книги, которыя были рѣдки, онъ переписывалъ самъ или давалъ ихъ переписывать духовнымъ дѣтямъ. Въ рославльскихъ лѣсахъ онъ съ братомъ своимъ, о. Моисеемъ, составилъ рукописную исторію, но послѣ него осталось еще до шестидесяти рукописей, составленныхъ изъ святоотеческихъ писаній, житій святыхъ, замѣчательный сборникъ рѣдкихъ молитвъ и службъ, который онъ тщательно собиралъ и переписывалъ уставомъ. Всѣхъ этихъ вещей нельзя было найти въ печати. Однихъ академистовъ у него было до сорока, и онъ читалъ ихъ ежегодно въ дни памяти святыхъ. По кончинѣ его найдено было въ кельѣ также множество списковъ книгъ, которыя онъ намѣревался еще приобрести.

О. Антоній имѣлъ даръ необыкновенной памяти. Онъ до послѣднихъ мелочей могъ разсказать, часъ за часомъ, дни своей жизни за послѣдніе пять лѣтъ. То же, что читалъ, хотя за тридцать лѣтъ назадъ, онъ могъ пересказать съ изумитель-

ною подробностью. Но, не ограничиваясь чтениемъ, о. Антоній еще болѣе любилъ исполнять прочитанное.

Обладая великою совѣстливостью, о. Антоній всюду искалъ себѣ вразумленія, и найденный послѣ него дневникъ представляетъ собою трогательный слѣдъ его постоянной борьбы съ собою. Вотъ, отрывокъ изъ 1824 года:

«Три дня сряду претерпѣлъ я отъ діавола искушеніе уныніемъ, разлѣненіемъ и нерадѣніемъ; и въ это время совершенно былъ я безъ узды, со всѣми празднословилъ, сколько хотѣлъ. Вечеромъ, пришедши въ келію къ брату Григорію, безъ всякой нужды, уклонился въ празднословіе, и послужилъ ему препятствіемъ къ занятію келейному. Между прочимъ, сказалъ ему: «мнѣ теперь охота напиться, а старца нѣтъ, безъ благословенія его не смѣю». А онъ мнѣ на это сказалъ: «отче, лучше безъ благословенія напиться, нежели празднословить».

«Батюшкѣ объяснивши о своемъ празднословіи и о ненужномъ вопрошеніи, услышалъ отъ него: «ненужное вопрошишь, ненужное и услышишь».

При любви къ молитвѣ и къ чтенію для о. Антонія не было ничего дороже, какъ сидѣть въ своей кельѣ. Онъ говаривалъ, что когда остается одинъ въ кельѣ, тогда у него бываетъ праздникъ на душѣ. Больше всего ему хотѣлось считаться частнымъ человѣкомъ, живущимъ въ обители на дѣйствительномъ покоѣ, и такъ, чтобы къ нему никто не обращался. Но когда люди приходили къ нему, онъ помня слова: «Грядущаго ко мнѣ не иждену вонъ» — не отказывалъ отъ бесѣды, онъ только рѣшительно уклонялся отъ исповѣдниковъ. Въ обращеніи съ людьми онъ былъ необыкновенно привѣтливъ, радушенъ и даже почителенъ. Онъ оказывалъ даже юношѣ и ребенку такую честь, которой люди другихъ взглядовъ не оказали бы и старшимъ себя. Одинъ послушникъ открылся ему:

— Когда я встрѣчаюсь съ младшимъ, то не могу безъ поужденія себя первый поклониться ему; въ особенности, если встрѣтившійся не отвѣтитъ поклономъ, мнѣ становится какъ-то стыдно.

— Это такъ, по новоначалию, отъ мірской привычки, — отвѣтилъ о. Антоній, — а я, вотъ, теперь среди Красной Площади въ Москвѣ поклонюсь кому угодно въ ноги, хоть нищему, и нисколько не сконфужусь.

Рано, съ молодости, о. Антоній былъ строгъ къ ближнему, но подъ вліяніемъ своего брата онъ измѣнился. Сохранилась интересная запись въ его дневникѣ 1823 года объ о. Моисеѣ:

«Батюшкою замѣченъ я очень жестокимъ, касательно ношенія немощей братскихъ и благонадежности въ ихъ исправленіи на лучшее. Въ заключеніе онъ сказалъ мнѣ: «въ какомъ

бы кого порочномъ положеніи ни видѣлъ, не должно тому удивляться и сомнѣваться въ его исправленіи; ибо многіе, наконецъ, изъ пїяницъ сдѣлались трезвыми, изъ буйныхъ—кроткими, изъ блудниковъ—цѣломудренными и прочее. А св. Златоустъ сказалъ: о исправленіи того только должно сомнѣваться, который во адѣ находится съ бѣсами».

Старецъ, какъ это бываетъ только съ людьми великой вѣры и совершенно духовнаго устроенія, не отчаивался въ исправленіи и умѣлъ выправлять людей падшихъ. Старецъ усвоилъ себѣ важное и мудрое положеніе святого Исаака Сирина, что надо съ людьми обходиться, какъ съ больными, и успокаивать ихъ наиболѣе, а не обличать; ибо это больше ихъ разстраиваетъ, нежели приносить имъ пользы. Больному,—говѣритъ старецъ,—надо говорить: «не хочется ли тебѣ какой похлебки, или чего другого?» А не слѣдуетъ говорить такъ: «я тебѣ дамъ такую микстуру, что глаза выпучишь».

Многіе случаи обнаружили въ о. Антоніи его прозорливость, но онъ ее скрывалъ. Онъ избѣгалъ такихъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ возлагало на него отвѣтственность, какъ на наставника и руководителя. Но онъ отвѣчалъ тайно на мысль людей, рассказывая, какъ будто про себя или про кого другого, и въ это время отвѣчая людямъ на ихъ мысли. Бывало, что лишь выйдя отъ старца, посѣтитель понималъ, что то или другое слово старца сказано именно для него. Безъ вопросовъ старецъ своихъ совѣтовъ никому не предлагалъ. И относительно того, какую кто получаетъ пользу отъ совѣтовъ старца, онъ рассказывалъ изъ своей собственной жизни:

«Случалось и мнѣ въ началѣ спрашивать старца, какъ бы искушая,—что-то онъ на это скажетъ? Ну, ужъ и отвѣты такіе выходили! А если положишь на сердце, что услышишь отъ старца отвѣтъ Бога Самого, то и Богъ возвѣститъ, и со всѣмъ человѣкъ другой станетъ, и услышишь такое, чего и не ожидаешь».

Въ бесѣдахъ своихъ съ преданными ему людьми, въ которыхъ онъ видѣлъ искренность, старецъ любилъ, чтобы все ихъ прошлое было ими открываемо безъ утайки, и говорилъ, когда уже все было открыто: «вотъ, теперь-то хорошо, а то скорлупку покажешь, самага же зернышка не покажешь».

Онъ напоминалъ своимъ духовнымъ дѣтямъ о происшествіяхъ, совершенно ими забытыхъ, училъ ихъ молиться о какомъ-нибудь совершенномъ грѣхѣ, котораго они раньше въ себѣ не сознавали, и даже вовсе не считали за грѣхъ. Рѣчь старца была необыкновенно увлекательна и сладка. Въ ней крылась какая-то великая духовная сила, состоявшая въ томъ,

что, во-первыхъ, старецъ училъ не отъ словъ, а отъ дѣлъ своихъ, что всякое слово, сказанное имъ, было выстрадано имъ въ его подвижнической жизни, во-вторыхъ, эта сила прористекала отъ того великаго благожелательства, съ которымъ онъ относился къ собесѣднику.

Предъ нимъ люди съ желѣзнымъ характеромъ чувствовали, что ихъ упорство падало, и въ сердце вступали другія, новыя чувства. Рѣчь его была своеобразна, коротка, что можно заключить изъ многихъ приведенныхъ отрывковъ, изъ его записи и переписки. Ярославскій уроженецъ, о. Антоній до конца дней своихъ сохранилъ нѣкоторую особенность ярославскаго говора съ удареніемъ на о. Его православная ревность была непоколебима. Никто не могъ убѣдить его измѣнить каноническимъ правиламъ. Единственнымъ отвѣтомъ тогда бывало: «Намъ дана власть разрѣшать грѣхи, а не разрѣшать на грѣхи». Стъ лицъ, которыя вручили себя ему, онъ требовалъ полного послушанія и, разъ сказавъ что-нибудь, не терпѣлъ, чтобы его переспрашивали два или три раза.

Душевное состояніе, которое онъ считалъ особо опаснымъ, былъ ропотъ по пустымъ причинамъ. Онъ многократно говорилъ, повторяя слова Исаака Сирина: «Самъ Богъ всякія немощи человѣческія сносить, человѣка же, всегда ропщущаго, не терпитъ и не оставляетъ безъ наказанія».

Переписка старца была такъ обширна, что послѣ его смерти собрали писемъ гораздо больше, чѣмъ ожидали. Какъ и устныя его бесѣды, онѣ—своеобразны, краснорѣчивы, дышать какой-то сладостью и назидательностью. Отраднa была для духовныхъ дѣтей старца встрѣча съ нимъ. Все, что было на душѣ грустнаго и темнаго—все это отлетало при первыхъ его словахъ. Это благодатное ощущеніе наполняло людей, его знавшихъ, какъ только они вступали на порогъ его кельи, какъ только видѣли его лицо, съ отпечаткомъ духовнаго мира и благодати. Одинъ изъ его духовныхъ сыновей вспоминалъ:

«Когда пріѣдемъ въ Оптину и придемъ къ нему, угощаетъ насъ чаемъ, и при его болѣзни самъ иногда подаетъ и проситъ покушать, подчуевъ всѣмъ, что ему подарятъ; самъ не кушаетъ, а все расподчуевъ. Нальетъ въ стаканы бутылочнаго меду, угощаетъ насъ и говоритъ: «кушайте, это питье холодное, но отъ согрѣтаго любовью сердца». Подлинно, какое вкусное, пріятное у него было это питье, и чай такой вкусный за его благословеніемъ! Когда, бывало, отъѣзжаемъ домой, при прощаньи онъ всегда одаритъ все семейство разными вещами: кому образокъ, кому подсвѣчникекъ, кому книжечку, и что-нибудь всякому дастъ на память: потомъ благословитъ и проводитъ, иногда сойдетъ съ крыльца, и съ

больными ногами провожаетъ насъ до калитки и все благо-словляетъ: иногда появлялись у него на глазахъ слезы, такъ онъ любилъ насъ».

И сколько помощи духовной получали люди отъ общенія съ нимъ, какъ часто отъ одного его совѣта облегчалась жизнь.

Одинъ человекъ пришелъ къ нему въ великомъ горѣ. Его сына, на котораго онъ возлагалъ всѣ свои надежды, исключили изъ учебнаго заведенія.

— Да молитесь ли вы о сынѣ? — неожиданно спросилъ его старецъ.

— Иногда молюсь, — отвѣчалъ тотъ нерѣшительно, — иногда и не молюсь.

— Непремѣнно молитесь о сынѣ, молитесь о немъ усердно, неотступно. Велика, вѣдь, сила родительской молитвы о дѣтяхъ.

Отецъ исполнилъ этотъ совѣтъ, и увидѣлъ, въ самомъ скоромъ времени, пользу его. Мальчикъ былъ принятъ въ заведеніе, благополучно окончилъ курсъ. И этотъ отецъ, который только однажды въ жизни и получилъ совѣтъ отъ отца Антонія, до конца дней своихъ помнилъ и прославлялъ его, говоря, что одно слово отца Антонія сняло съ его жизни всякую тяготу.

Одна духовная дочь о. Антонія подъ пронизательнымъ взоромъ его сказала, что боится этого взора, такъ какъ онъ различаетъ всѣ ея грѣхи.

— Напрасно вы такъ думаете, — возразилъ старецъ:— о чемъ я помолюсь, и что Богъ мнѣ откроетъ, то я и знаю, а если Богъ мнѣ не откроетъ, то я ничего не знаю.

Однажды послушникъ, занимавшійся у о. Антонія письмоводствомъ, присутствовалъ при перевязкѣ его больныхъ ногъ, на что нельзя было смотрѣть безъ содроганія. Сердце его разгорѣлось великимъ усердіемъ и жалостью къ старцу, и онъ подумалъ, что, вотъ, старецъ и не знаетъ, какъ онъ его любить. Тутъ о. Антоній сказалъ:

— Я, вотъ, знаю, что ты меня любишь... Вѣрно ли я это говорю?

Тотъ послушникъ, по неопытности своей, рассказалъ кому-то о видѣнномъ имъ случаѣ прозорливости старца. Это дошло до самого старца. Онъ послалъ за послушникомъ своего келейника. Послушникъ засталъ о. Антонія въ самомъ тревожномъ состояніи. Лицо его было блѣдно и выражало сильное волненіе.

— Вотъ, что я тебѣ скажу, — сказалъ онъ:— если ты желаешь пользоваться моими совѣтами, то прошу тебя, никому

не передавай моихъ словъ и разговоровъ съ тобою, но храни ихъ только въ своемъ сердцѣ.

Одно лицо, бывшее директоромъ гимназіи, ветеранъ русскаго флота, познакомился съ о. Антоніемъ уже въ старыхъ годахъ, при великомъ разстройствѣ своихъ дѣлъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ пользоваться совѣтами старца, дѣла его наладились. Призывая умственно помощь о. Антонія, онъ дважды избавлялся отъ гибели въ жестокой мятели, разъ былъ чудесно спасенъ отъ разбойниковъ. Имѣніе его, которое онъ давно хотѣлъ продать, было продано въ самый день смерти о. Антонія и за ту цѣну, на которую о. Антоній совѣтовалъ ему согласиться, какъ ни бился продавецъ, чтобы взять дороже.

Существуетъ замѣчательный разсказъ о томъ, какую власть имѣлъ о. Антоній надъ нечистыми духами. Событіе это подтверждено письмомъ самого о. Антонія. Одна благочестивая дѣвица Р. въ послѣдствіи монахиня, потерпѣла то же искушеніе, какъ нѣкогда святая мученица Іустина. Ее преслѣдовалъ челоуѣкъ, который, видя, что всѣ его усилія добиться ея взаимности тщетны, обратился къ чародѣю и сталъ наводить на нее волхвованіе. Ее предупредила объ его мѣрахъ служанка. Кромѣ Бога, она не могла нигдѣ найти себѣ помощи. У нея не было знакомствъ съ лицами духовной жизни. Въ одну ночь эта служанка видѣла во снѣ, что высокій монахъ, войдя въ комнату ея барышни, влечетъ ее изъ дому въ монашеской одеждѣ. Вскорѣ случилось, что о. Антоній, который слышалъ о желаніи родныхъ этой барышни видѣть его, посѣтилъ ихъ домъ. Вотъ, какъ воспоминаетъ онъ объ этомъ посѣщеніи въ письмѣ своемъ:

«Когда пришелъ часъ воли Божіей быть мнѣ у васъ, то въ началѣ цѣлую толпу бѣсовъ встрѣтилъ я, съ бранью воспрецавшихъ входъ, но Господь разогналъ ихъ. И хотя я самъ многогрѣшенъ есмь, и нѣсмь достоинъ спасать другихъ, но Господь Богъ, по величій милости Своей къ вамъ, избралъ меня недостойнаго орудіемъ къ тому быть, чтобы поспѣшить ко изведенію васъ изъ глубокой пропасти (что было предварительно открыто во снѣ служанкѣ вашей). И когда бы отсрочили исходъ вашъ еще до году и болѣе, то Богъ вѣсть чего бы ни встрѣтили. Мнѣ исторія ваша послѣднихъ двухъ лѣтъ пребыванія вашего въ родительскомъ домѣ столь много и ясно раскрыта, что безъ сердечнаго содроганія вообразить не могу. Не зная прежде оной, не напрасно совѣтовалъ я вамъ молиться св. мученицѣ Іустинѣ дѣвицѣ; ибо тогдашнее положеніе ваше много было похоже на ея, о чемъ недавно я узналъ, и отъ всей души благодарилъ Бога со слезами, что святая душа ваша избавится отъ сѣти ловащихъ ее».

Старець тогда призывавъ съ вѣрою имя Божіе, и бѣсы исчезли. Но при входѣ его всѣ замѣтили, что онъ мертвенно блѣденъ. Служанка точно узнала въ немъ видѣннаго ею во лнѣ монаха. Почувствовавъ къ о. Антонію полное довѣріе, дѣвица рѣшилась раскрыть всю свою жизнь къ нему въ письмѣ. Старець понялъ, что одно ей спасеніе—монастырь, но родные объ этомъ и слышать не хотѣли. Онъ неотступно молился о ней, укрѣпляя ее въ борьбѣ съ невидимыми силами, которыя наводилъ на нее чародѣй.

Вскорѣ, по совѣту о. Антонія, вся семья отправилась въ монастырь на постриженіе въ монашество нѣсколькихъ лицъ, и обрядъ этотъ произвелъ такое сильное впечатлѣніе на мать дѣвицы, что она выразила согласіе на поступленіе своей дочери въ монастырь.

Она вступила въ обитель, но чародѣй хвалился, что вытащить ее изъ обители. Она, дѣйствительно, продолжала ощущать на себѣ воздѣйствіе вражьихъ силъ, не имѣя покоя ни днемъ, ни ночью. О. Антоній продолжалъ поддерживать ее. Совершенное же избавленіе она получила отъ великаго московскаго митрополита Филарета.

Однажды онъ явился ей въ сонномъ видѣніи и сталъ читать псаломъ шестидесятый: «Услыши, Боже, моленіе мое, вонми молитвѣ моей... отъ конецъ земли къ Тебѣ возвахъ, внигда уны сердце мое». Читая въ этомъ таинственномъ явленіи своемъ псаломъ, митрополитъ велѣлъ дѣвицѣ повторять вслѣдъ за нимъ всѣ его слова, и заповѣдалъ ей ежедневно этотъ псаломъ читать самой. Проснувшись, она почувствовала, что искушеніе, которое мучило ее много лѣтъ, совершенно отъ нея отпало.

Самая большая привязанность въ жизни о. Антонія былъ братъ его, архимандритъ Моисей. Будучи младше на двѣнадцать лѣтъ и въ молодости начавъ духовную жизнь въ лѣсу подъ его руководствомъ, о. Антоній считалъ о. Моисея за своего отца и наставника. Онъ относился къ нему не то, чтобы только почитательно, но съ какимъ-то благоговѣніемъ. Въ старые годы въ присутствіи старшаго брата о. Антоній хранилъ глубокое молчаніе. Слова его принималъ, какъ волю Божию. Когда онъ приходилъ къ нему въ настоятельскіе покои, то никогда безъ приглашенія не шель во внутреннюю келью, а стоялъ въ передней и терпѣливо дожидалъ, пока о. Моисей его замѣтитъ и позоветъ; и, войдя въ комнату, не садился, а перемогался на своихъ больныхъ ногахъ, пока братъ не велитъ ему сѣсть.

О. Моисей, конечно, внутри себя удивлялся этому смиренію брата и говорилъ о немъ: «онъ настоящій монахъ, а я не

монахъ». Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не оставлялъ случая доставлять ему духовные вѣнцы смиренія и обращался съ нимъ, какъ съ послушникомъ.

На покоѣ о. Антоній не бралъ ни у кого денегъ въ свою пользу, а принималъ только книги или деньги съ условіемъ, что ихъ употребить на книги. Не отказывался онъ также принимать свѣчи и масло для лампы, такъ какъ часто не могъ ходить въ церковь и при свѣчахъ, теплящихся предъ иконами, вычитывалъ церковныя службы. Все же, что онъ получалъ, онъ раздавалъ другимъ.

У младшей братіи обители былъ обычай въ день именинъ ходить за благословеніемъ къ о. Антонію и, при этомъ, онъ всегда дѣлалъ какой-нибудь подарочекъ: кому платочекъ, кому книжечку, кому чаю и сахару, такъ что случалось, что, раздавъ все, о. Антоній самъ оставался безъ сахару. Онъ твердо помнилъ именины всѣхъ иноковъ и, встрѣтившись съ именинникомъ, поздравлялъ его, будь онъ новоначальный или даже мальчикъ—такъ былъ онъ внимателенъ ко всѣмъ даже и въ самыхъ мелочахъ.

Поминая о. Антонія, достойно вспомнить здѣсь его ученицу, на которую онъ имѣлъ большое вліяніе, и которая — подъ его руководствомъ—изъ свѣтской барышни сдѣлалась истинной подвижницей.

Происходившая изъ знатной дворянской семьи, принадлежавшей къ высшему обществу, Екатерина Александровна Путилова съ молодости чувствовала призваніе къ духовной жизни, но, нигдѣ не видя себѣ поддержки, вела образъ жизни, свойственный своему кругу; какъ выражался впоследствии отецъ Антоній—«въ шумѣ празднующихъ».

Когда же Богъ привелъ ее къ старцу Антонію, это ея настроеніе, какъ бы долго таившееся подъ спудомъ, развернулось съ неудержимой силой. Еще не покидая мірскую среду, она проводила жизнь въ благочестіи, и утѣшеніе видѣла себѣ въ посѣщеніи Оптиной, гдѣ жила въ гостиницѣ. Прежде, въ Петербургѣ, она не вставала ранѣе десяти часовъ. Теперь же къ часу полуночи, предъ тѣмъ, какъ ударяли въ колоколъ къ утрени, была уже одѣта и спѣшила въ церковь. Вообще, всякій благовѣстъ заставлялъ ее или уже готовой или по пути въ храмъ Божій.

Подобно тому, какъ о. Моисей велъ сурово брата своего о. Антонія, такъ и о. Антоній велъ сурово Екатерину Александровну. Больше всего она стремилась слушать старца, а

онъ иногда позволялъ ей, находясь въ Оптиной, бывать у него только по разу въ недѣлю, а остальные дни, не говоря съ нимъ, принимать отъ него только благословеніе въ церкви. Иногда она самовольно приходила къ старцу и въ другіе дни, но сама говорила, что тогда лишалась сна и спокойствія. Повинуясь же старцу, она ощущала въ душѣ тишину и миръ.

Всего четыре года находилась она подъ руководствомъ о. Антонія и скончалась тридцати лѣтъ отъ роду, причемъ—кончина ея показала, какой высокой духовной степени она успѣла достичь.

Кончина ея описана самимъ о. Антоніемъ.

Съ весны и все лѣто Екатерина Александровна таяла, какъ свѣча. Любимый ея разговоръ былъ о переходѣ въ вѣчность. Конца своего она ждала, какъ невѣста ждетъ брака съ любимымъ женихомъ. Особорованная святымъ елеемъ, она чрезъ каждые два дня стала приобщаться; послѣднюю же недѣлю жизни приобщалась ежедневно. Тогда же она была пострижена келейно въ монашескій образъ. Къ старцу ее сперва водили подъ руки, потомъ носили на стулѣ, а потомъ старецъ ходилъ къ ней въ гостиницу по нѣсколько разъ въ день.

Послѣ ея постриженія съ именемъ Евфросиніи, обозначающимъ «добрую радость», старецъ спросилъ ее:

— Какъ, сестра, имя твое во ангельскомъ чинѣ?

— Многогрѣшная монахиня Евфросинія,—отвѣчала она.

— Что означаетъ новое имя твое?—спросилъ старецъ.

— Веселіе и радость,—отвѣчала она.

— Дай тебѣ Господи,—говорилъ ей на это старецъ,—вѣчное веселіе и радость со святыми въ небесномъ царствіи.

И этотъ вопросъ, по желанію Евфросиніи, повторялся всякій день, такъ какъ ей было радостно принимать его, какъ пророчество о своемъ будущемъ блаженствѣ.

Необыкновенный миръ наполнилъ эту избранную душу. Со дня соборованія ея, сердце ея дышало любовью ко всѣмъ: она всѣхъ жалѣла, и лично и заочно у всѣхъ просила прощенія. Четки не выпадали изъ рукъ ея. Она въ этихъ молитвахъ неустанно, неусыпно призывала помощь Божію и говорила:

— Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй. Пресвятая Богородица, Царица Небесная, Матушка моя, возьми меня къ Себѣ! Святой архангелъ Михаилъ, св. архангелъ Гавриилъ, св. архангелъ Рафаилъ, возьмите душу мою. Святителю Николае, великій угодникъ Божій, сохрани душу мою!

Все свое имущество она раздала, говоря:

— Какъ я въ міръ родилась, ничего не имѣя, такъ и отъ міра отходя, желаю, чтобы ничего у меня не было.

А когда все раздала, радостно сказала:

— Вотъ, я и теперь ничего у себя не имѣю, кромѣ единой надежды на спасеніе Божіе.

За двѣ недѣли до кончины былъ у нея приготовленъ гробъ, а за два дня до смерти она просила о. Антонія, чтобы ее живую вынесли въ церковь, чтобы ей въ церкви умереть, но о. Антоній не взялъ этого на себя. Около десяти разъ былъ надъ нею прочитанъ канонъ на исходъ души отъ тѣла. Она оканчивала его сама и говорила:

— Возлюбленные отцы мои и братія, и сестры, и всѣ знаеміи, помяните мою любовь и дружбу, и молитесь Христа всѣхъ Бога милостиву быти ко мнѣ въ часъ кончины моей и по кончинѣ!

Скончалась она на праздникъ Усѣкновенія главы честнаго славнаго пророка Предтечи и Крестителя Господня Іоанна, послѣ бдѣнія въ полночь, въ первомъ часу.

О. Антонія печалило, что она скончалась не днемъ, но о. Моисей успокоилъ его словами:

— Ну, что жъ, вѣдь—сказано: «Се Женихъ грядетъ во полунощи».

За полчаса до кончины она просила засвѣтить свѣчи у всѣхъ образовъ своей гостиной, и говорила:

— Какъ теперь весело на моей душѣ, будто какой большой праздникъ...

Три дня во гробѣ она лежала, какъ спящая, нисколько не измѣнившись въ лицѣ, и когда, прочтя надъ ней разрѣшительную молитву, о. Антоній сталъ вкладывать ее въ руки, то руки оказались не окостенѣлыми, а мягкими.

Послѣ похоронъ ея о. Антоній посѣщалъ ежедневно ея могилу, просиживая у нея по часу и болѣе, любясь на ея усыпальницу, которая была лучше, чѣмъ келья, занимаемая ею въ Оптиной.

Эта гробовая келья имѣла два большихъ свѣтлыхъ окна, была украшена многими иконами, а предъ гробомъ, въ стѣнѣ, изображено положеніе во гробъ Спасителя, съ неугасимой предъ иконой лампадой.

Спустя годъ по смерти Екатерины Александровны о. Антоній такъ писалъ о ней ея родной сестрѣ:

«Екатерина Александровна молится за всѣхъ насъ, ибо жива душа ея. Нѣкоторые изъ числа братій нашихъ, а также и изъ постороннихъ лицъ, видали сестрицу вашу во снѣ, въ пріятномъ видѣ. И я на свѣтлый день Пасхи видѣлъ ее во снѣ, какъ на яву, во святомъ храмѣ во время службы, въ необыкновенной одеждѣ златотканной, съ распущенными власами, съ золотымъ кадиломъ въ рукахъ, кадящую всѣхъ. Кадило съ

Книгоиздательство П. П. Сойкина, Петроградъ, Стремянная, 12.

ПРЕМУДРОСТЬ И БЛАГОСТЬ БОЖІЯ ВЪ СУДЬБАХЪ МІРА И ЧЕЛОВѢКА.

Соч. проф. Моск. Дух. Акад. *В. А. Голубинскаго* и *Д. Г. Левицкаго*.

Эта книга написана въ опроверженіе невѣрующихъ ученыхъ, заявляющихъ, будто естествознаніе опровергаетъ ученіе о премудрости и благодати Божіей. Она представляетъ **глубоконаучное** и въ то же время **общедоступное** руководство къ уразумѣнію великихъ вопросовъ бытія, никогда не покидающихъ всякаго серьезнаго и любознательнаго человѣка.

320 стран. больш. форм. **Цѣна 2 р.,** съ перес. **2 р. 50 к.**

Объ истинномъ христіанствѣ.

Соч. Іоанна Арндта.

Сочиненіе Іоанна Арндта „Объ истинномъ христіанствѣ“ написано „не тростью руки, а кровью сердца“. Оно зоветъ читателя къ той самой **живой вѣрѣ**, которая побуждала автора всю жизнь безкорыстно „подвизаться подвигомъ добрымъ“ ради спасенія ближнихъ. „Въ тысячу разъ лучше, — говоритъ онъ, — любить Христа, нежели много и толково о Немъ разсуждать“. Прознать Христа разумомъ, по наукѣ, и въ то же время не любить Его — бесполезно и даже вреднѣе для души, чѣмъ совсѣмъ не знать Его. Гдѣ нѣтъ жизни христіанской, тамъ нѣтъ Христа, ибо не всякій говорящій: „Господи, Господи, войдетъ въ царствіе небесное, а творящій волю Божію“ (Мѣ. VII, 21), — вотъ общая мысль этой прекрасной книги, которая для каждаго христіанина является учительницей горячей вѣры и самоотверженной жизни.

556 стран. больш. форм. **Цѣна 2 руб. 50 к.,** съ перес. **3 р.**

ЖИЗНЬ ІИСУСА ХРИСТА.

Сочиненіе *Ф. В. Фаррара*.

Полное иллюстрированное изданіе съ предисловіемъ и пояснительными примѣчаніями.

Свящ. М. П. Вивейскаго.

900 стран., большого формата, 300 рис. и карта Палестины. Цѣна на веленовой бумагѣ **3 руб. 75 к.**, въ роскошномъ переплетѣ **5 руб.**

За пересылку добавляется **75 коп.**

Гл. Упр. военно-учебн. зав. рекомендовано для чтенія кадетъ VI и VII кл. фундам. библ.

Съ требованіями обращаться въ книжный складъ П. П. Сойкина.
Петроградъ, Стремянная ул., № 12, собств. домъ.

За 6 руб. съ пересылкой.

12 книгъ душеполезнаго чтенія,

заклуч. въ себѣ повѣсти и разск. изъ исторіи библейск., общей и церковной.

- 1) Черноморскіе богатыри. Картины Севастопольской обороны. *В. А. Радича.*
- 2) Прельщеніе литовское. Церковно-историческая повѣсть. *Вл. П. Лебедева.*
- 3) Задушевные рѣчи. Очерки, бесѣды и странички изъ дневника. *А. В. Крулова.*
- 4) Вокругъ собора. Повѣсть изъ исторіи Западной церкви XV вѣка. *Д. Алькока.* Перев. *Н. П. Двиубскаго.*
- 5) Лучъ Божьяго свѣта въ пустынѣ глухой. Повѣсть изъ жизни на Персидской окраинѣ. *Ө. Ө. Тютчева.*
- 6) На сѣверѣ дикомъ. Церковно-историч. пов. *П. А. Россіева.*
- 7) Вопросы вѣры и жизни. Сборн. статей доц. Петрогр. Дух. Акад. *іеромонаха Михаила.*
- 8) Русскій Саванарола. Историч. повѣсть *Н. О. Лихарева.*
- 9) Боярыня Морозова. Повѣсть изъ исторіи русскаго раскола *Г. Т. Сьверцева.*
- 10) Брать на брата. Историч. повѣсть-хроника. *Н. Н. Алексѣева-Кунгурцева.*
- 11) Въ дебряхъ сектантства. Бытовая повѣсть изъ жизни скопцовъ и хлыстовъ. *Д. М. Березкина.*
- 12) Свѣтъ. Повѣсть *М. Монлора* изъ времянь земной жизни Иисуса Христа.

6 **КНИГЪ** **СОЧИНЕНІЯ**
большого формата
болѣе 250 иллюстр. **Ф. В. ФАРРАРА**
ЖИЗНЬ ИСУСА ХРИСТА.

Полн. иллюстр. изданіе съ предисл. и пояснит. примѣч. Свящ. *П. М. Фивейскаго.*

КОПІЯ СЪ ИКОНЫ ЧУДОТВОРЦА
СЕРАФИМА САРОВСКАГО,
исполненная на металлѣ въ рельефной золоченой ризѣ.

52 №№ ЖУРНАЛА **РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ**
большого формата до
2.000 столбц. текста **ЗА 1904 ГОДЪ.**

Книжный складъ *П. П. Сойкина*, Петроградъ, Стремянная, 12.